

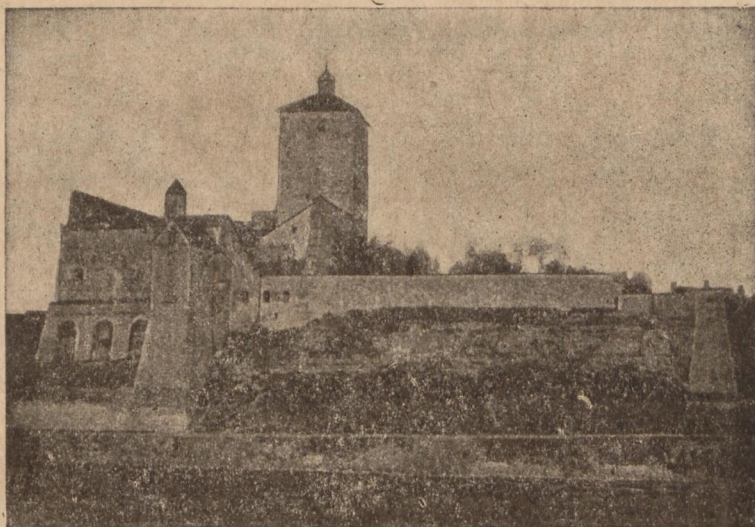
1-ый годъ изданія.

Spetsiaalne tood

Цѣна 35 центовъ.

ПОЛКОВЫЕ ДВѢТЫ

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Литературно-общественный
журналь.

№ 2.

Нарва.

Августъ 1930.

Содержаніе.

1. Передовая	25
2. Цвѣты — стихотвореніе Н. Черная	26
3. Ромашки — посмертный разсказъ Ивана Савина	26
4. Смѣхъ паука — стихотвореніе Леопольда Аксъ	27
5. ** — стихотвореніе Л. Виснапу	28
6. Вѣдьма — изъ разсказа Влад. Гущика „Лѣсъ и болото“	28
7. ** — посмертное стихотвореніе Ивана Савина	31
8. Юность — разсказъ В. Никифорова-Волгина	31
9. Мадонна Боттичелли — стихотвореніе Евгенія Клеверъ	35
10. Грунькинъ омутъ — разсказъ Бориса Свободина	35
11. Мнѣ сейчасъ не больно -- стихотвореніе Леопольда Аксъ	38
12. ** — стихотвореніе Бориса Тагго	39
13. Смѣшное въ жизни деревни зарисовки Ст. Владиміровича	39
14. Геній — стихотвореніе Влад. Гущика	41
15. Неизданныя письма В. И. Крыжановской (Рочестертъ) — Н.	41
16. Русскіе въ Эстоніи — статья Т. Кириллова	44
17. Шахматы	46
18. Почтовый ящикъ	47

Вниманію уважаемыхъ покупателей!

Магазинъ обуви

Петровская площ. 10/12 **переведенъ на Іоальская ул. № 22**
(въ бывшее торговое помѣщеніе Рейтсникъ) подъ фирмой

„Эстокингъ-Уніонъ“

Веревочный магазинъ

Г.Цернъ

Нарва, Петровская пл. 6.

Единственный въ Нарвѣ спеціальный магазинъ веревокъ, канатовъ, сѣтей, нитокъ и рыболовныхъ принадлежностей.

SP, 7767

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Литературно-общественный журнал.

Под редакцией В. Никифорова-Волгина.

Ответственный редактор Л. Аксъ.

№ 2.

Подписку и всю корреспонденцию просить направлять на имя секретаря редакции Helene von Dehn, по адресу: Eesti Narva, Kiriku tän. 12-a, 4.

Август
1930 г.

SP, 6337

Fr. B. Kreszwald pla.

Eesti NSV Puhk

Reservatsioon

Riigiraamatukogu.

№.

Нарва, август 1930 г.

Перед русской молодежью бездорожье и ночь. За эти испепеляющие душу, мозг и сердце годы у нас накопилось столько боли, что хочется рассказать о ней, хочется подыгаться с ктмв-то ласковым понятливым и чутким. Все мы болеть одной болью. Нам, молодежи, нужна переключка друг с другом. Легче как-то станет, если мы подойдем друг к другу и расскажем о своих думах, мыслях, надеждах и чаяниях.

Вз цюлях сближенія русской молодежи, вз цюлях совместной литературной работы мы, не считаясь с трудностями, создали журнал, имя которому «Полевые цветы». Журнал создавали вз условіях душевной провинциальной жизни, без сочувствія и поддержки, с боязливой мыслью о будущем. Единственное, что утѣшало нас, это то, что нас поймет молодежь.

Несмотря на безчисленные попытки, мы вз настоящее время не имѣем вз Эстоніи ни одного русского печатного органа, вз котором мы могли бы сказать свое слово, могли-бы найти мѣсто для выявленія своих мыслей. У нас нѣтъ своего міра. Журнал «Полевые цветы» и есть тот маленький мір, вз котором мы будем чувствовать себя своими, обогрѣтыми взаимным пониманием, связанными одной мыслью и одной болью.

Русская молодежь! Журнал «Полевые цветы» — это Ваш журнал! В данное время — время зарождения русского журнала вз Эстоніи, нам особенно тяжело. В своей работе мы одиноки. Придите к нам и помогите укрепить среди молодежи наше слабое, неуверенное начинаніе. Пишите о своих болях, своих радостях, мечтах и думах и все, что Вы ни пришлете, мы примем с благодарностью, и Ваш отклик вселит вз нас уверенность, что мы не одиноки.

Редакция,

Цвѣты.

Среди грязи и мрака нагой нищеты,
Въ почернѣвшей жестянкѣ съ фабричнымъ клеймомъ,
Юнымъ маемъ и солнцемъ дышали цвѣты
Надъ убогимъ и грязнымъ столомъ.

А крутомъ, какъ всегда въ этихъ жалкихъ углахъ,
Безысходно и вѣчно царилъ нужда
И тоска объ убитыхъ погибшихъ мечтахъ,
Обо всемъ, что потеряно разъ навсегда.

И какъ-будто насмѣшкой надъ горемъ людскимъ
И безмолвнымъ укоромъ за грязь и пороки,
Безпредельнымъ величьемъ и блескомъ своимъ
Они слали холодный и гордый упрекъ.

„Что за дѣло намъ, гордимъ красавицамъ весны,
„Что вамъ, жалкимъ и бѣднымъ, такъ тягостно жить,
„Что весной вамъ не врезятся чудные сны,
„Что вамъ скорби своей никогда не избыть.“

„Насъ взлелеялъ душистый ночной вѣтерокъ,
„Насъ горячее солнце взрастило лучемъ,
„Васъ же тяжкимъ проклятьемъ отмытилъ злой рокъ,
„Вы незваные гости на пиръ чужомъ.“

Кукерсъ.

Н. Чернай.

Ромашки.

У нея такое странное имя—Айя. Пахнетъ оно чѣмъ-то страшно южнымъ, горячими листьями пальмъ, душной пѣной у береговъ Тати Таити, галантнымъ берегомъ Пьера Лоти.

А сама она — сѣроглазая фрекенъ въ причудливомъ чепчикѣ больничной сестры. Взглядъ такой прозрачный, совсѣмъ сѣверный, чуть-чуть темнѣющій къ вечеру. Говоритъ быстро, смѣшно наклоня голову на бокъ. Смѣется негромкимъ колокольчикомъ.

Цѣлый день суетится она въ палатѣ: мы всѣ слѣдимъ за ней и намъ радостно—молodyмъ и старымъ. Даже вонъ тотъ угрюмый, весь залитый желчью старикъ, что медленно угасааетъ въ углу, улыбается почти ласково, когда надъ нимъ взлетаютъ розовыя руки Айи, поправляя подушки или одѣяло.

Я здѣсь недавно и мнѣ чуждо. Съ утра лежу на верандѣ, заставленной цвѣтами. Ихъ такъ много — ромашки, левкои, какіе-то мѣстные финскіе цвѣты съ голубо-сиреневой головкой и длинными листьями, похожими на лапы оцетинившагося кота. Вижу широкій дворъ, весь въ сочной травѣ, черныя лысины скалъ, за скалами — зеленую поляну моря, исписанную бѣлыми черточками пѣны. Соленый воздухъ ходитъ между колоннами, треплеть ромашки, колышетъ занавѣси оконъ.

Мнѣ чуждо. Перелистываю журналъ на непонятномъ языкѣ, вслушиваюсь въ прыгающій придушенный говоръ за дверью, стараюсь понять непонятную, спокойную жизнь, не нашу жизнь.

Входитъ Айя съ кувшиномъ. Каждое утро и вечеръ она поливаетъ цвѣты, любовно разглядываетъ ихъ, не распустился-ли новый, и вотъ въ это время мы разговариваемъ. Я не знаю ни финскаго, ни шведскаго: ее кто-то выучилъ по русски только романсъ „гайда тройка“, который она и поетъ въ свободныя минуты, безбожно перевирая слова, но у обоихъ у насъ есть небольшой запасъ нѣмецкихъ фразъ.

Айя разсматриваетъ кошачью лапу сиреневаго цвѣтка и спрашиваетъ:

— У васъ есть ромашки?

Она всегда спрашиваетъ о Россіи, Россія ее страшно интересуеть. „Я не понимаю“ — сказала она мнѣ вчера — „удивительно, какъ можно любить страну, гдѣ люди такіе злые?..“

— Есть, — отвѣчаю я.

— Такіе же бѣлыя и съ золотыми сердечками?

— Да, съ золотыми сердечками...

Айя недовѣрчиво качаетъ головой и уходитъ въ палату. Черезъ нѣсколько минутъ она возвращается съ наполненнымъ снова кувшиномъ и наклоняется надъ рядомъ горшковъ съ ромашками.

— У васъ есть невѣста?

Вопросъ такъ неожиданъ, и глаза Айи такъ строго смотрятъ на меня, что я роняю журналъ на полъ.

— Была...

— Почему — была? — удивляется фрекень, и я чувствую, какъ съ яркихъ губъ готовъ сорваться чуть чуть лукавый, дѣвичій упрекъ въ невѣрности.

— Была, потому, что ее, можетъ быть... съѣли. На югѣ Россіи такой голодъ,—говорю я, и шутка моя звучитъ такъ жестоко.

Айя сочувственно вздыхаетъ.

— Покажите мнѣ ея фотографію. Она хорошенькая? Ваши дѣвушки всѣ такія... какъ это сказать по нѣмецки... тощія...

— У меня нѣтъ фотографіи...

— Нѣтъ? Странно... Ну, прядь волосъ. Это всегда такъ дѣлается...

— И волосъ нѣтъ. Ничего нѣтъ — отвѣчаю я грустно. — Я даже не знаю, гдѣ она сейчасъ, жива-ли. Эта буря разбросала насъ во всѣ стороны...

Айя садится рядомъ со мной на скамью. Мнѣ кажется, что въ ея сѣрыхъ глазахъ вотъ вотъ сверкнутъ слезы — чуткая сердечность горитъ въ каждомъ ея жестѣ.

— И ничего на память не осталось?

— Ромашка осталась... — невольно заражаясь сентиментальной грустью ея глазъ, отвѣчаю я.

— Какая ромашка? — перебиваетъ меня Айя.

— Сухая... бѣлая съ золотымъ сердечкомъ...

— Фрекень...—зоветъ кто то въ палатѣ.

Айя быстро срывается съ мѣста, хватается кувшинъ и идетъ къ двери, говоря скороговоркой:—какіе вы всѣ сухіе, тощіе... Какъ ромашка... И Россія ваша — ромашка, вся высохла. И вы сами, и невѣста ваша, и всѣ русскіе — ромашки сухія, больше ничего...

Опять сижу одинъ на большой верандѣ. Смотрю на сѣдую, почему-то такую неприятную голову Ллойдъ-Джорджа въ прошлогоднемъ журналѣ и думаю: какъ много неожиданной правды въ простыхъ словахъ простой дѣвушки! Сухія ромашки мы... Россія — вся высохла... Жалкіе, никому не нужные цветы... Мы — для гербарія, для странной и страшной коллекціи: цветы съ высохшихъ полей... Люди безъ родины... А соленый вѣтеръ ходитъ между колоннами, треплетъ занавѣси, шепчетъ въ уши нѣжно: уже недолго... недолго... Можетъ быть годъ, можетъ быть мѣсяць... На безгранной полянѣ Россіи гуще, сильнѣе и ярче прежняго зацвѣтутъ ромашки... Бѣлыя — бѣлыя... Съ золотыми, прозрѣвшими сердцами... Уже недолго...

Гельсингфорсъ.

Иванъ Савинъ.

Смѣхъ наука.

*Тихо... такъ тихо, что слышно, какъ свѣчи
Шепчутся съ вашимъ застывшимъ лицомъ,
Какъ говорятъ непонятныя рѣчи
Стѣны съ высокимъ глухимъ потолкомъ.*

*Тихо... такъ тихо, что слышно, какъ время
Грузной походкою въ вѣчность идетъ,
Какъ за окномъ монотонно аллея
Ночи осенней о чемъ-то поетъ.*

*Больно... такъ больно, что нѣтъ ни молитвы,
Нѣтъ ни сѣдыхъ, ни зеленыхъ мыслей,
Есть только острія шпилекъ и бритвы,
Цѣпки, какъ когти и зубы зѣрей.*

*Душно... такъ душно отъ жуткаго крена,
Отъ позументовъ и мертвыхъ цветовъ,
Точно осеннее плотное небо
Сбросило внизъ свой свинцовый покровъ.*

*...Жалко-ли ласки капризнаго счастья?
Жалко-ли сѣренькихъ пятенъ тоски?
Съ сердца спадаетъ послѣднее платье...
Жутко смѣются въ улу науки.*

Нарва.

Леопольдъ Аксъ

* *
*

*Ты не плачь, тоска моя кручинушка,
Все больное скоро заживетъ...
Пусть свѣтлый горитъ моя лучинушка
Ночку темную до свѣта, напролетъ.*

*Ты когтями острыми, точеными
Сердце крѣпко не дави мое.
Догоритъ, навѣрно, ночка черная,
Свѣтлый день не вспомнитъ про нее.*

*Ты не мучь ненужными упреками,
Не хочу я слышать ихъ отвѣтъ.
Стой мнѣ тѣсно, ночка черноокая,
Про любовь, про солнце и про свѣтъ.*

*И про гору вершины бѣлоснѣжныя,
И про море, идѣ ажурная волна,
Про мура, лѣса, поля безбрежныя,
Про страну, идѣ вѣчная весна.*

*Такъ гори свѣтлый, моя лучинушка,
Ночку темную до свѣта, до зари...
Ты жѣ не плачь, тоска моя кручинушка,
Съ темной ночью вмѣстѣ догори.*

Юрєвъ.

Л. Виснапу

Вѣдьма.

(Изъ разсказа „Лѣсъ и болото“.)

Теперь мнѣ понятно, почему моихъ криковъ не слышалъ лѣсникъ; я заблудился на болотѣ и навѣрное ушелъ въ противоположную отъ него сторону.

Смеркалось.

Надъ трясиными подымался туманъ, цѣплялся за вѣтки кустарника и ползъ по травѣ.

Впервые мнѣ пришлось быть одному на болотѣ. Какъ нарочно патроны были разстрѣляны и, хотя я трижды слышалъ отдаленные выстрѣлы лѣсника, но отвѣтить на нихъ не могъ, да и доносились они съ той стороны, гдѣ глазамъ открывалась безконечная зыбь.

Ужасъ заползалъ въ мою душу. Въ послѣдній разъ я крикнулъ, полный отчаянія:

— Я здѣ-ѣ-съ! Сю-да-а!..

Крикнулъ и испугался своего голоса: онъ замеръ въ нѣсколькихъ шагахъ, словно его кто-то поймалъ на лету. Страхъ и бѣшенство охватили меня. Я сорвалъ съ пояса ненужный трофей — нѣсколько убитыхъ утокъ — и отшвырнулъ далеко отъ себя. Онѣ тяжело шлепнулись въ грязь и было слышно, какъ около нихъ забулькали пузыри.

Желая попасть на твердое мѣсто, я въ отчаяніи замѣтался изъ стороны въ сторону и, наконецъ, выбившись изъ силъ, остановился. Я стоялъ, погруженный по поясъ въ мутную воду, подъ которой, какъ пружинный матрацъ, качалась подъ ногами почва.

Темнѣло.

Туманъ становился плотнѣй. На болотѣ стало свѣжо. Скоро въ пятидесяти шагахъ, кромѣ студеной завѣсы да неясныхъ очертаний бугровъ, ничего не было видно. И вотъ, обезсиленный, я съ трудомъ добрался до ближайшаго бугра и сѣлъ на него. Ноги мои были въ водѣ, но сидѣлъ я на корняхъ какого-то пня и, прислонившись къ нему и все еще надѣясь на помощь лѣсника, слушалъ.

Но на болотѣ было тихо, какъ на кладбищѣ, и только временами со стороны лѣса доносилось что то, похожее на крикъ филина.

Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ погибнуть въ болотѣ. Ни умѣніе плавать, ни случайно подвернувшійся стволъ упавшаго дерева, ничто не спасетъ. Одинъ неудачный шагъ и

медленная, но вѣрная смерть — неизбежна. Болото даже не возвращаетъ погибшихъ. Оно питается ими, какъ прожорливый гадъ, жадно всасывающій добычу. Только сатана съ его коварствомъ и злобой могъ придумать такія мѣста.

Туманъ все усиливался. Онъ уже поднялся высоко, сомкнулся надъ моей головой и легъ на плечи, какъ мокрое одѣяло.

И вдругъ его словно освѣтило прожекторомъ. Это всходила изъ-за лѣса луна. Туманъ сталъ блѣдно-молочнымъ и въ болотную муть протянулась отъ меня сѣрая тѣнь. Настала ночь.

Разсчитывать дальше на помощь было нельзя. Я постарался, какъ могъ, поджать подъ себя ноги, поднялъ воротникъ куртки и, глубже надвинувъ шляпу, рѣшилъ ждать до утра.

Отъ холоднаго тумана начинало знобить. Я испытывалъ чудовищную усталость. Ныли руки, ноги, спина, даже страхъ проходилъ и ужасно хотѣлось спать. Куртка быстро вымокла до нитки и я старался не шевелиться, чтобы согрѣть ее своимъ тѣломъ. А кругомъ голубѣлъ и дымился туманъ, булькали въ сторонѣ пузыри и временами все на болотѣ темнѣло, окутывалось дымчатымъ мракомъ и опять голубѣло. Это на луну набѣгали облака.

Долго-ли я такъ просидѣлъ, трудно сказать. Въ ухахъ стоялъ тихій навязчивый шумъ, глаза слипались и я дремалъ. Я дремалъ болѣзненной дремой, какъ больной въ забытіи, когда тѣло покоится безъ движеній, а мозгъ не перестаетъ думать и понимать. Временами я засыпалъ и сквозь сонъ мнѣ слышались какіе-то шелесты, словно кто-то воздушный и легкій, едва касаясь травы, скользилъ по болоту. И тогда мнѣ въ этихъ движеніяхъ чудилась смерть, высокая, бѣлая, безтѣлесная, выростающая до неба и закрывающая туманомъ, какъ саваномъ, и меня и болото. Она скользила, раскачиваясь и изгибаясь, плавно и мѣрно, какъ въ танцѣ, и все ближе и ближе подвигаясь ко мнѣ. Я съ трудомъ пріоткрывалъ одинъ глазъ, глядѣлъ въ сизую муть, вздрагивалъ при каждомъ легкомъ движеніи голубого тумана, снова плотно зажмуривался, дремалъ, покачиваясь въ тактъ воображаемой гостьи и, наконецъ, уснулъ. Животная усталость взяла свое. Мнѣ снились солнце, и лѣсъ, и сторожка, и довольный охотой веселый лѣсникъ. Онъ показывалъ убитыхъ утокъ, смѣялся и говорилъ: — Надо съ кумомъ дѣлиться. Его баба бьетъ. Ему слѣдуетъ пяточекъ нырковъ!

Я тоже смѣялся и тоже хвасталъ трофеями и было такъ легко и радостно отъ веселости лѣсника и отъ яркаго, яркаго солнца.

Потомъ вдругъ я проснулся и увидѣлъ себя на болотѣ. Руки и лицо были влажными и отъ холода сильно знобило. Я снялъ куртку и накрылся поверхъ съ головой. Я старался надышать подъ нее, чтобы согрѣться. Стало теплѣй и я снова уснулъ и спалъ видимо долго. Пробудился я отъ рѣзкаго крика:

— Тону! Тону!..

Я сбросилъ куртку и замеръ отъ ужаса. Прямо на меня, прыгая и шлепая по водѣ, двигалась безобразная женщина. Она размахивала руками, кричала, ругалась, била въ грудь кулаками и вдругъ остановилась на противоположномъ бугрѣ. Отъ дикаго страха я не могъ проронить слова. А она глядѣла на меня въ упоръ горящими, какъ угли, глазами и кривая улыбка обезобразила ее сморщенное лицо.

— Чортъ? — спросила она.

Волосы на моей головѣ зашевелились. Я попробовалъ приподняться и не могъ.

— Ты кто? Чортъ? — снова по птичьи выкрикнула старуха. — Чортъ, говорю? Чего сидишь на болотѣ? Покойниковъ пришелъ воровать? Покойниками полакомиться? Иди, милый, иди. Много васъ тутъ чертей непутевыхъ! Куда ни погляди — вездѣ чортъ. И уткой летаютъ, и гадиной ползаютъ, и сохатымъ изъ лѣса выходятъ. Вездѣ пораскидано!

И, припавъ къ самой водѣ и съевшись въ грязный комокъ, она вытянула сухую, какъ у муміи, руку и захохотала.

— Ха-ха-ха! Рожки-то гдѣ? Рожки-то? Ха-ха-ха! Безрогій чортъ! Чуръ меня, чуръ! — и неожиданно съ ловкостью кошки прыгнула на сосѣдній бугоръ, потомъ дальше и дальше, пока не растаяла въ туманѣ.

— Тону! Тону! — еще разъ донеслось до меня и снова болото погрузилось въ зловѣщую тишину.

Наконецъ я пришелъ въ себя.

Такъ вотъ она, вѣдьма! Вотъ о комъ говорилъ мнѣ вчера лѣсникъ! Сомнѣній быть не могло: на болотѣ обитала безумная. Но какъ попала она въ эти трясины? Что ее привело сюда? Я сталъ вспоминать разговоры съ лѣсникомъ и сразу все стало яснымъ. Конечно, это жена Тимофея, того мужика, что погибъ здѣсь въ прошломъ году подъ Миколу Зимняго. Это она по веснѣ ушла на болото искать погибшаго мужа и больше не возвращалась. Безумная такъ и осталась на этомъ болотѣ. Но какъ она не погибла? Чѣмъ она жива? Какъ ее не убили эти гнилыя трясины? Не засосали эти непроходимыя трясины? Богъ ее вѣдаетъ!

„Если Господь отнялъ у бабы умъ,“ вспомнились слова лѣсника, „да бросилъ ее на болотѣ, то нечистый этого такъ не оставитъ и приберетъ бабу къ рукамъ. Выходитъ, что она все равно вѣдьма!..“

Но теперь эта вѣдьма могла оказать мнѣ большую услугу. Кому, какъ не ей, знать эти трясины? И кто, какъ не она, можетъ вывести меня на дорогу?

— Бабка! Ба-а-бка! — закричалъ я и вдругъ, обернувшись, увидѣлъ ее рядомъ съ собой.

Меня передернуло.

Старуха сидѣла на корточкахъ и, положивъ на колѣни руки, ревниво слѣдила за моими движеніями. На фонѣ ночного болота, среди волнующагося тумана, она казалась настоящей вѣдьмой, исчадіемъ ада, а не человѣкомъ. Въ маленькихъ, блестящихъ глазахъ свѣтилось не одно безуміе, а временами вспыхивали огоньки то злобы, то сатанинской радости. Каждую секунду она могла прыгнуть на меня, вцѣпиться въ горло и перегрызть его, какъ собака.

На болотѣ стало темнѣй. Видимо, облака закрывали луну. И вдругъ заморосилъ дождь. Старуха по обезьяньи завертѣлась и крючковатыми пальцами стала заправлять волосы подъ косынку. Надо было рѣшаться.

— Бабка! — твердо сказалъ я. — Выведи меня на дорогу.

Она еще больше сморщилась, больше сжалась въ комокъ, какъ бы ожидая, что ее ударятъ, и совсѣмъ тихо и пугливо спросила:

— А Митрія знаешь? Митю-то моего? Гдѣ онъ? Мужъ Митрій. Подъ Миколу домой торопился, а черти то его, вишь, задержали. Ждала я, ждала, и пришла весной чертягъ въ болотѣ ловить. Шустрые. Черти то, шустрые!

Она сидѣла, наполовину въ водѣ, такая жалкая и печальная, какъ побитая мокрая кошка и подъ ея острыми въ колѣнахъ ногами булькала и пузырилась гнилая вода.

И, по мѣрѣ того, какъ она говорила о Митѣ, въ ея глазахъ пропадали огоньки злобы и бѣшенней радости. Въ ея круглыхъ и черныхъ, какъ у крысы, глазахъ появилось столько щемящей тоски, что казалось, вотъ-вотъ она готова заплакать. И мнѣ жаль, безконечно жаль стало старуху.

— Бабка, пойдѣмъ къ дому! — словно не я, а кто-то чужой сказалъ вмѣсто меня.

— Въ адъ? — быстро мѣняясь въ лицѣ, спросила она. — Въ адъ не пойду. Много васъ, чертей тамъ. Задушатъ. Къ Митрію-бы пошла. Къ Митрію куда хочешь пойду!

Я ухватился за мысль. Безумнымъ понятно безуміе. Я такъ и сдѣлалъ.

— Хорошо. Мы отправимся къ Митрію. Я знаю, гдѣ онъ. Онъ далеко, но я проведу. Если хочешь, пойдѣмъ.

Отъ изумленія она даже привстала и тогда съ ея изодранной юбки, мокрой, какъ губка, ручьями полилась грязная жижа.

— Къ Митѣ? — хрипло вырвалось у нея. — Къ Митѣ пойдѣмъ!

— А какъ? Надо выйти на гать, а до-рогу-то я позабылъ. Пожалуй къ Митрію и не попадемъ.

— На гать? Это къ лѣсу? Къ деревнѣ? А развѣ онъ тамъ?

— Тамъ. У самага лѣса, возлѣ гати. Обѣщалъ меня дожидаться, да я вотъ съ до-роги сбился, не знаю, какъ мнѣ и быть.

— Пойдемъ! — быстро вскакивая, за-кричала она. — Пойдемъ, я тебя проведу!

И мы двинулись.

Впереди меня, то убѣгая за туманную муть, то возвращаясь, чтобы не оставить меня, прыгала по кочкамъ, кривляясь и хо-хоча, болотная вѣдьма, размахивала руками, проваливалась по грудь въ студеную воду, хваталась за коряги, спотыкалась, падала въ грязь и жалобно, какъ ребенокъ, кричала:

— Тону! Тону!..

Съ трудомъ понимая происходящее, я прыгалъ за нею, проваливался по поясъ въ воду, вылѣзалъ, снова проваливался, шель, все дальше и дальше углубляясь (какъ ду-малъ я) въ болото, рѣшивъ скорѣе погибнуть рядомъ съ живымъ человѣкомъ, нежели оста-ваться одному среди безконечныхъ трясинъ.

Былъ мигъ, когда я считалъ дѣло про-играннымъ: старуха сразу исчезла. Кругомъ двигался сизый туманъ, безмолвный и жуткій. И вдругъ она засмѣялась подлѣ меня.

— Ты, что?

— Гать.

— Гдѣ гать?

— Здѣсь вотъ. Иди.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вышелъ на твердый, прикрытый землянымъ настиломъ, срубъ.

Я былъ спасенъ. Вправо отъ меня свѣ-тились огни деревни, а влѣво дорога тонула въ блекломъ туманѣ. Тамъ, за болотомъ, былъ лѣсъ и сторожка осиротѣвшаго друга.

— Въ деревню? — спросила старуха.

Куда было идти? До лѣсника, ночью, черезъ болото, нечего думать, да и почему знать, какъ встрѣтитъ мою спутницу лѣсникъ. Хорошимъ зарядомъ?

— Да. Пойдемъ въ деревню. Митрій тамъ.

Она въ нерѣшительности съ минуту стояла рядомъ со мной и вдругъ, взмахнувъ руками, шагнула за настиль и, прыгая съ кочки на кочку, исчезла въ туманѣ.

— Тону! Тону! — глухо донеслось до меня и все стихло. И опять я вспомнилъ слова лѣсника: „Если Господь отнял у бабы умъ, да бросилъ ее на болотѣ, то нечистый этого такъ не оставитъ и приберетъ бабу къ рукамъ. Выходитъ, что она всеравно вѣдьма!..“

*Придутъ друіе. Они не вспомнятъ
Ни боли нашей, ни потерь.
Въ уюты нашихъ дѣвичьихъ комнатъ
Толкнутъ испуганную дверь.*

*Имъ будутъ чужды пылая строки
Напечатавъ, выцвѣтшихъ страницъ,
Обоевъ пыльныхъ рисунокъ стройй,
Безмолвный рядъ забытыхъ лицъ.*

*Иному Богу, иной невѣстѣ
Моленье будетъ свершено.
И имъ не скажетъ никто: отвѣстѣ
Поклонъ уможнушимъ давно...*

*Слѣпое время сотреть скривжали
Годовъ безумныхъ и минутъ,
И въ дряхломъ креслѣ, идъ мы рыдали,
Друіе — тѣсни запоютъ...*

Иванъ Савинъ

Юность.

Звенящими хрусталинками упалъ въ душную бѣлую ночь маленькой, похожей на серебряныя струны, душистый дождь. Онъ осеребрилъ, накаленную за день, землю, прошумѣлъ въ цвѣтахъ и деревьяхъ и неожиданно отзвучалъ. Густо запахло березой, сиренью и пылью. Ночь стала еще свѣтлѣе.

Надя только что поужинала и собиралась спать, но, подойдя къ раскрытому окну душевой своей комнаты и увидѣвъ въ палисадникѣ бѣлую сирень, обрызганную дождевыми хрусталинками, ее потянуло на улицу, въ бѣлую ночь.

Маленькая Нарва спала. Надя сѣла на ступеньку подъѣзда и подумала о томъ, какъ хорошо сейчасъ за городомъ, въ лѣсу или въ полѣ. Она призакрыла глаза и представила себѣ большую пыльную дорогу среди поля, придорожные цвѣты, поникшія деревенскія изгороди, искорки росы въ уснувшихъ травахъ и огромное небо съ двумя сходящимися зорями.

Съ тѣхъ поръ, какъ она поступила на фабрику, никогда съ такой мучительной тоской не думала о томъ, что за каменными городскими стѣнами растилается другая жизнь, полная зеленаго простора, шумящихъ травъ, свѣжаго душистаго вѣтра. Когда она стояла у станка въ большомъ фабричномъ корпустѣ, оглушенная шумомъ машинъ, сдавленная тяжестью душевой фабричной атмосферы, то она

всегда думала о томъ, что придетъ домой, вымоетъ лицо и руки, одѣнетъ на себя любимое платье и побѣжитъ за городъ, въ старинный запущенный паркъ; до усталости будетъ бѣгать по его тѣнистымъ аллеямъ и собирать цвѣты. Букетикъ цвѣтовъ она принесетъ къ себѣ, поставитъ ихъ на столъ и будетъ смотрѣть на нихъ и вдыхать тихій ихъ шепотъ.

Кончался восьмичасовой рабочій день, и Надя, усталая, съ головою болью, приходила домой, ложилась спать и не думала о любимомъ платьѣ, о старинномъ паркѣ, о цвѣтахъ.

Надѣ 20 лѣтъ. Три года тому назадъ она окончила гимназію, и сразу же послѣ торжественно-грустнаго акта, послѣ прощальнаго товарищескаго пикника среди сосенъ загородной Смолки, съ неумолкшими въ ушахъ звуками „Gaudeamus’a“, звонкихъ юныхъ пѣсенъ и неостывшей печалью разставанія, перемѣнила гимназическое платье на грубую старенькую ткань и поступила на фабрику.

Послѣ уютныхъ, свѣтлыхъ, какъ подвѣчный нарядъ, гимназическихъ лѣтъ, было страшно очутиться въ новой обстановкѣ, среди чужихъ и грубыхъ людей. Ежедневно Надя вставала въ пять часовъ утра и безмолвными, спящими улицами шла на фабрику, въ самый конецъ города. Туда она шла легко и свободно, но обратно, при дневномъ оживленіи, она возвращалась съ легкимъ смущеніемъ и почему-то боялась, что ее, изящную

и, какъ говорятъ, хорошенькую, увидать въ рваномъ рабочемъ костюмѣ, въ сѣрыхъ веревочныхъ плетенкахъ на маленькихъ ножкахъ и грязью на тоненькихъ, когда то избалованныхъ, пальчикахъ.

На людяхъ Надя весела и даже среди чудовищныхъ машинъ и ругани рабочихъ звенить ея молодой смѣхъ, но когда бываетъ одна, то она груститъ и часто плачетъ, по дѣтски утирая слезы кулачками.

Плачетъ больше оттого, что ей не удалось попасть въ университетъ, что она не очутилась въ хорошей, чистой жизни, уходятъ года юности, нѣтъ любви, какъ у тургеневскихъ героевъ, и не на что купить новый костюмъ и шелковые чулочки. Особенно бывало грустно весенними вечерами, когда въ окно плыли сиреневые ароматы, пѣли соловьи и доносилась музыка изъ Темнаго сада.

Сегодня во время работы Надю сильно оскорбилъ грубый, нечесанный, всегда пьяный рабочій Николай Кононовъ. Онъ подошелъ къ ея станку и больно ущипнулъ ее за бедро. Она, не помня себя отъ обиды, размахнулась и ударила его по щекѣ. Въ безсильной ярости, скрипнувъ зубами, онъ бросилъ ей грубое, харкающее слово:

— Потаскуха!

Оскорбленіе было такимъ большимъ, что она ничего не сказала, только закрыла лицо руками и заплакала.

Кто-то утѣшалъ ее. Кажется, тѣ-же гимназистки, работавшія съ нею въ одномъ корпусѣ.

Надя хотѣла бѣжать къ директору съ жалобой, но ее уговорили:

— Не дѣлай этого, глупая! — увѣряли ее — ты не представляешь себѣ, что значить жаловаться на рабочаго. Сгрызутъ тебя, выживутъ, мѣста живого не оставятъ!

Когда Надя выходила изъ фабричныхъ воротъ, то до нея дошелъ разговоръ двухъ работницъ, шедшихъ позади нея.

— Подумаешь, недотрога какая! — говорили о ней злобнымъ шипящимъ шепотомъ. — Зря потаскухой не назвали-бы.

Сегодня Надю провожалъ до дома Вова Баяновъ. Тоже рабочій фабрики. Гимназистъ. Сынъ бывшаго судебного слѣдователя. По характеру Вова наивенъ, застѣнчивъ и простоватъ. На фабрикѣ всѣ его считаютъ за дурачка и зло надъ нимъ подшучиваютъ. Недавно рабочіе разыграли надъ нимъ нехорошую шутку. Подходить къ Вовѣ одинъ изъ рабочихъ и говоритъ ему: „Вова! Тебя вызываетъ директоръ фабрики. Хотятъ дать тебѣ повышение. Придешь къ директору, не забудь поздравить его съ днемъ ангела“.

Вова принялъ это за чистую монету и побѣжалъ къ директору.

— Съ ангеломъ, г-нъ директоръ! Вы звали меня?

— Васъ? Для чего?

— Вы хотѣли дать мнѣ повышение. Спасибо вамъ большое. Моя мама очень обрадуется.

Когда Вовѣ объяснили, что надъ нимъ зло подшутили, то съ Вовой чуть не произошла истерика. Во время работы онъ набросился на шутника съ кулаками, но тотъ оказался сильнѣе его, повалилъ Вову на полъ и сталъ колотить его по головѣ.

Послѣ драки Вова, едва сдерживаясь отъ слезъ, съ какою то мягкой укоризной сказалъ обидчику:

— Какъ вамъ не стыдно бить меня по головѣ. У меня и такъ постоянно болить голова!

Вова зналъ объ оскорбленіи Нади. По глазамъ, по лицу, по движеніямъ она чувствовала, что Вовѣ хочется успокоить ее, сказать что-то, но онъ терялся и, не зная, какъ къ этому приступить, началъ совсѣмъ не по существу:

— Надя! Вы были въ Ярославской губерніи?

— Не была, Вовочка.

Вова вздохнулъ и съ большимъ сожалѣніемъ отвѣтилъ:

— Я тоже не былъ.

— А что?

— Ничего.

Такіе вопросы Вова задавалъ часто. Однажды остановилъ Надю и спросилъ ее: какъ она смотритъ на Петербургскій пажескій корпусъ. Что-то больное было въ его головѣ. Рассказываютъ, что это послѣдствіе пережитаго революціоннаго ужаса. На его глазахъ былъ разстрѣлянъ отецъ.

— Вамъ, Надя, очень больно? — спросилъ ее Вова во время пути.

— Больно и нехорошо, Вовочка. Адски больно, какъ говорили у насъ въ гимназіи!

— Вы, Наденька, ничего не бойтесь. Дадимте другъ другу слово, что мы, гимназисты, все перетерпимъ. Давайте, Наденька, закалять себя!

— Трудно мнѣ!

— А вы думаете, мнѣ легко? Да что это я, глупый, про себя говорю! Всѣмъ намъ тяжело!

Послѣ короткаго молчанія Вова неожиданно взялъ Надину руку, поцѣловалъ ее и, вдохновенно ударивъ себя въ грудь, сказалъ:

— Завтра утромъ!

— Я не пойму васъ, Вова, что завтра утромъ?

— Романъ такой есть у Льва Урванцева „Завтра утромъ“.

— При чемъ тутъ, милый, Левъ Урванцевъ?

— Будемъ, Наденька, вѣрить въ „Завтра утромъ“. Завтра утромъ должно быть все по хорошему. Завтра утромъ должно быть чудо. Мнѣ кто-то говорилъ, что высшая радость лежить на днѣ глубокой печали.

— Идеалистъ вы, Вова!

— Да, я идеалистъ. Мнѣ очень хорошо!

— Хорошо-ли, милый? — спросила Надя и вспомнила, какъ сегодня, во время обѣденнаго перерыва, Вова заснулъ на мѣшкахъ съ ватой и ему, спящему, обмазали лицо зеленой масляной краской и на голову одѣли дурацкій колпакъ.

Они шли краемъ маленькаго чахлаго поля съ блѣдными чахлыми цвѣтами.

— Когда я смотрю на эти блѣдные цвѣты — сказалъ Вова — то мнѣ всегда вспоминаются дѣвушки, работающія на фабрикѣ. Правда, Надя, что цвѣты чувствуютъ боль, когда ихъ срываютъ?

— Наверное, что-нибудь чувствуютъ.

— Я никогда не рву цвѣты. Если мнѣ они особенно понравятся, я склонюсь надъ ними и поцѣлую ихъ, или поглажу.

Вова наморщилъ лобъ.

— Надя! Вы были въ Ревелѣ?

— Не была.

— Очень красивый городъ!

— Вы его видѣли?

— На карточкѣ видѣлъ.

Такіе неожиданные скачки отъ связнаго, разумнаго до бессмысленныхъ вопросовъ Вова дѣлалъ часто. Не тоска-ли по новымъ землямъ, по новымъ людямъ и невѣдомымъ городамъ жгла его мозгъ?

Когда они прощались, то Вова сказалъ ей:

— Вы, Наденька, ничего не бойтесь! Всѣ знаютъ, что вы чистая и...

Вова покраснѣлъ и опустилъ глаза въ землю.

— Что же дальше, Вовочка?

— И я люблю васъ!

— Бѣдный Вова! — подумала Надя. — Придетъ-ли для насъ лучистое и чудесное „Завтра утромъ“?

Надя подошла къ сиреневому кусту, пригнулась къ вѣтвямъ, и голову и руки ея осыпали прохладныя крохотныя хрусталинки отзвенѣвавшего ночного дождя.

Она сорвала вѣточку бѣлой сирени, прижала лицомъ къ ея свѣжимъ лепесткамъ и задумалась.

Запахъ сирени напомнилъ ей Владиміра. Она вспомнила, что когда онъ былъ восьмиклассникомъ, то въ день ея рожденія принесъ ей огромный букетъ бѣлой сирени, и въ ея

лепесткахъ она нашла письмо съ робкимъ признаніемъ въ любви, и съ тѣхъ поръ сирень вызываетъ въ ней и неясную радость, и сладкую, щемящую грусть.

Теперь Владиміръ на сланцевыхъ разрабкахъ въ лѣсной глуши Эстоніи и получилъ чахотку.

Изрѣдка встрѣчаются, вспоминаютъ гимназическіе годы, но весенняго прошлаго ужъ нѣтъ. Ни смѣха, ни грезъ, ни молодого дерзновенія, ни увлеченій стихами и музыкой нѣтъ въ ихъ жизни. Онъ придетъ къ ней, робко сядетъ на край стула и, пряча свои грубыя мозолистыя руки, слегка покашливая, рассказываетъ всегда объ одномъ и томъ-же: о работѣ въ шахтѣ, о грубыхъ спившихся товарищахъ и часто любитъ повторять одну и ту-же фразу:

— Каждое утро, какъ на распятіе, я иду на работу!

Однажды они сидѣли на берегу рѣки. Была предвесенняя ночь, и въ черной рѣкѣ отражались звѣзды. Дышалось глубоко, было грустно и, какъ всегда, когда ты молодъ и надъ головой витаетъ весеннее, хотѣлось плакать. Долго сидѣли молча и было такъ тихо въ это ночное предвесенье, что, казалось, можно было услышать мерцаніе звѣздъ и колебаніе далекихъ зарѣчныхъ огней. Владиміръ взялъ Надю за руку, сталъ осыпать ее поцѣлуями и неожиданно расплакался.

Она не спрашивала его о причинѣ слезъ. Поняла, что онъ плачетъ объ уходѣ молодости, о потерянной радости, о томъ, что вся жизнь пройдетъ въ шахтѣ, что у него чахотка и впереди бездорожье и тьма.

Надя не утѣшала его. Слово такихъ сильныхъ не было. Она крѣпко прижалась къ нему, обняла его и молча гладила ему руки. А подъ небомъ, надъ городомъ, надъ далекими уснувшими полями и лѣсами, надъ рѣкой, отражавшей весеннія звѣзды, зарождалось чудо изъ чудесъ, Воскресеніе изъ Воскресеній — таинственная и чудесная Весна.

И оттого, что она зарождалась, было мучительно грустно.

Вспоминанія Нади нарушили бой городскихъ часовъ. Старинный стонущій звонъ напомнилъ ей, что черезъ два часа надо уходить на фабрику, и при мысли о тяжелыхъ каменныхъ громадахъ, о грохотѣ машинъ, о неустанномъ желѣзномъ бытѣ рабочаго дня, бѣлая ночь, сирень, дождевыя хрусталинки, краски, запахи и музыка весенняго цвѣтенія сразу-же помертаѣли, отзвучали, слипли и стало душно.

Надя только что хотѣла подняться съ мѣста и пойти къ себѣ, какъ ея слухъ измучился чѣмъ-то неувереннымъ шепотомъ. Къ дому подходила чья-то фигура въ бѣломъ весеннемъ платьѣ. Чѣмъ ближе подходила она къ Надѣ, тѣмъ она становилась болѣе знакомой.

— Никакъ Сонечка идетъ! — подумала Надя, — но отчего она такъ качается и размахиваетъ руками?

Соня Вельская — Надина гимназическая подруга. На одной партѣ сидѣли и списывали другъ у друга эстонскую диктовку. По окончаніи гимназіи вмѣстѣ поступили на фабрику, но Соня не выдержала работы и, неизвѣстно куда, ушла.

Не доходя до Нади, Соня вдругъ покачнулась и упала на мостовую.

Надя вскочила съ мѣста и побѣжала къ ней на помощь.

Она наклонилась надъ блѣднымъ лицомъ Сони и ее обдало виннымъ запахомъ.

— Сонечка! Родная! — поднимала она ее съ мостовой. — Очнись, милая. Это я — Надя!

Едва слышно, тяжело двигающимся языкомъ, сквозь пьяный полубредъ, Соня проворчала:

— Ни-и-какихъ двадцать! На время пятьсотъ, за ночь тысяча!

— Сонечка! Что ты говоришь? Очнись, милая. Пойдемъ ко мнѣ спать.

Почти на рукахъ Надя донесла ее до своего дома. На всю сонную, тихую улицу Соня кого-то проклинала, съ кого-то требовала деньги и ругалась страшной мужской руганью.

Въ эту ночь Надя не спала и все время дежурила у кровати пьяной Сони.

— Надька! — кричала она охрипшимъ надорваннымъ голосомъ. — Сегодня меня напоили, взяли, на улицу выбросили, а денегъ не дали. Кровныя мои денежки! Гимназистка и проститутка! Ничего себѣ: далеко Сонька прыгнула!

Когда Соня чуточку пришла въ сознание, то она позвала къ себѣ Надю:

— Надюша! Посмотри мнѣ въ глаза. Очень тебя прошу!

Надя подошла къ ней, взяла ее за хрупкія дѣтскія плечики и стала смотрѣть въ ея мутные, когда-то безпорочные, дѣтски прекрасные, глаза.

— Въ твоихъ глазахъ, Надюша, гимназія, — шептала Соня, — наша нелепая юность, наши бѣлыя платица на гимназическомъ актѣ, Смолка, сосны и золотистый вечеръ... Вся чистота нашихъ дней, весь аромат прошлаго. Испачкала я свое бѣлое платице, Надюша!

Подруги обнялись и плакали на груди другъ у друга, и въ эту ночь Надя почувствовала, что они совершенно одни и безпомощны и что будущее ихъ безнадежно и темно.

Когда Соня успокоилась и заснула съ неостывшими на лицѣ слезами, Надя подошла

къ окну и долго смотрѣла на проснувшуюся землю, но она не видѣла ни порхающихъ птицъ, ни первыхъ лучей солнца, осѣнившихъ землю утреннимъ благословіемъ, ни цвѣтовъ, ни зелени.

Съ особенной остротой она почувствовала, что онѣ брошены въ черную холодную шахту, изъ которой нѣтъ выхода, и многія изъ нихъ обречены на медленное угасаніе.

Припомнились скорбныя слова поэта:

Оба мы скомканы, смяты и брошены
Въ пасть острозубой судьбы,
Оба безжалостно жизнью изношены,
Оба несчастны и злы.

Не доходя до фабричныхъ воротъ, ей вдругъ показалось, что она на краю бездны, и что она теряетъ подъ ногами почву и катится въ черную огромную глубину...

Кто-то ее поднималъ, куда-то ее несли и кто-то въ бѣломъ склонялся надъ ней и давалъ ей что-то пить.

Она отстраняла отъ себя питье и говорила:

— Больше не надо. Мнѣ горько. Я и такъ много выпила!

Когда Надя вышла изъ больницы, то на землѣ золотѣлъ сентябрь. На душѣ было свѣтло и уютно, какъ въ гимназіи. Жизнь, послѣ пережитой болѣзни, была преобразенной и чистой. Первое, что она увидѣла по выходѣ изъ больницы, были астры въ больничномъ саду. Хотѣла сорвать ихъ, но вспомнила Вову:

— Цвѣты чувствуютъ боль, когда ихъ срываютъ! Пусть живутъ бѣдные недолговѣчные цвѣты осени!

Надю встрѣтилъ Вова. Обрадовался и съ дѣтской непосредственностью бросился ее цѣловать и отъ восторга закружился въ какомъ-то буйномъ танцѣ.

Когда остылъ первый порывъ восторга, то Вова съ большимъ сожалѣніемъ рассказалъ Надѣ о большихъ переменѣхъ на фабрикѣ.

— Фабрика сократила производство, — сказалъ онъ, — и многихъ разсчитали, въ томъ числѣ и насъ.

Вѣсть о разчетѣ ее не испугала, и она въ этотъ моментъ подумала, какъ хороша жизнь, какъ хорошо это высокое стальное небо, какъ хороши астры и какъ заманчивы далекія дали въ пылающихъ краскахъ вечера заката.

— Вы, Наденька, ничего не бойтесь. Я вамъ нашелъ мѣсто! — сказалъ Вова, самодовольно улыбаясь.

— Какое мѣсто?

— У меня есть знакомый рестораникъ, который меня и васъ принимаетъ къ себѣ въ кельнера. Радость-то какая, Наденька! Мы опять жить будемъ. Мы, гимназисты, все перетерпимъ!

Слегка смущаясь, Вова вынулъ изъ кармана какой-то свертокъ и, краснѣя, подалъ его Надѣ.

— Что это такое?

— Не взщите, Надюша. Ватрушка за шесть центовъ. Когда я получу, Надя, первое свое жалованье, то я вамъ куплю фунтъ швейцарскаго сыра и тортъ за три кроны. Ей-Богу!

Все было такъ хорошо: и небо, и ватрушка, и новое мѣсто въ ресторани, что Надѣ хотѣлось смѣяться. Вспомнила Владимира и стало еще свѣтлѣе.

— Мы жить будемъ! — воскликнула она, и въ глазахъ ея вспыхнуло дерзновеніе.

А подъ небомъ, надъ городомъ, надъ далекими лѣсами, надъ астрами — осенними прощальными цвѣтами, и надъ ихъ головами зарождалось Чудо изъ Чудесъ, Воскресеніе изъ Воскресеній — чудесная и таинственная Новая Жизнь.

В. Никифоровъ-Волгинъ

Мадонна Боттичелли.

Боттичелли — весенняя нѣжность,

Зацвѣтающей жизни поэма.

Боттичелли — покой, безмятежность,

Тихій вечеръ и розы Эдема.

Слушай тѣню пастушьей свирѣли

О Ребенкѣ, простившемъ людей.

Старый Мастеръ, спдой Боттичелли,

Улыбался и думалъ о ней.

Оттого-то и краски натѣны,

Какъ простыя, наивныя трели,

И чисты, и легки, и безнѣны

Твои мысли, какъ сны Боттичелли.

Евгеній Клеверъ

Брунькинъ омутъ.

(Разсказъ.)

...Далекимъ, свѣтлымъ сномъ
Повѣяло отъ грустной сказки:
Я вспомнилъ о давно быломъ,
Я вспомнилъ трепеть первой ласки..

Б. С.

1.

Тихой лаской озаряло вечернее іюньское солнце, поросшую зеленымъ камышомъ, рѣчную глубокую заводь. Надъ зеркальной гладью ея безпечно стрекотали прозрачно-крылыя стрекозы да бѣлыя чашечки водяныхъ лилій истомно застыли на ней въ граціозной неподвижности.

Было жарко, какъ днемъ.

Притулившись за склонившейся надъ заводью ракушкой, мой старый пріятель—дѣдка Акимъ и я рыбачили.

— Што не бай, касатикъ, а ёнъ любить эфти мѣста, гдѣ глыбоко да тихо — житье

ему! Развѣ только стерва зубастая ненарокомъ завернетъ сюды хвостикомъ своимъ водицу помутить, што иная баба языкомъ, тогда толку мало будетъ, — шамкаль беззубымъ ртомъ дѣдка Акимъ, заядлый охотникъ и рыбакъ, покуривая дунаевскую махорку и, то-и-дѣло, отмахиваясь отъ нахальнаго комарья. — Тогда ёнъ нипочемъ носа не выкажетъ — чутокъ, каналья: Вотъ, поди же, рыба, а то же со смѣлкой живетъ. Чудны дѣла твои, Господи! Рыба, а и та мозгуетъ, не токмо человекъ. И такось, свѣтикъ мой, всяка тварь земная, кажиная букашечка и мошка. Вона-сь, комаръ, на што ужъ ледящее созданье, совсѣмъ, можно сказать, безъ души

существо, а и тотъ норовить помясистѣй выбрать мѣстечко, штобы, значить, крови человѣческой отвѣдать. Ишь, подлець, дался ему мой носъ, хе-хе-хе! Медь какой нашель, подумаешь...

Я полулежалъ на бархатистой изумрудной муравѣ и, плохо слушая обычное философское брюзжанье моего древняго друга, смотрѣлъ не на стоявшій неподвижно поплавокъ, а въ беспредѣльную синь безоблачнаго неба и мечталъ о Грунѣ, голубоокой, какъ это июньское небо, Акимовой внучкѣ, съ хмѣльно вьющимися, золотистыми, какъ медь, косами, змѣвидно сползавшими по ея плечамъ чуть-ли ни до самыхъ ногъ.

Грунѣ Ковалевой, простой крестьянской дѣвушкѣ, въ ту пору было восемнадцать, а мнѣ — девятнадцать лѣтъ. Она закончила свое образование въ какомъ-то епархіальномъ училищѣ (дальше учиться родители ей не позволили), а я былъ безусымъ, съ воробынымъ пушкомъ подъ губою, зеленымъ абитуриентомъ, едва успѣвшимъ впервые надѣть студенческую фуражку и чесунчевую форменную тужурку.

Сдружились мы съ Грунею крѣпко, много, помнится, перечитали книгъ и, влюбленные сразу въ нѣсколькихъ поэтовъ, влюбились другъ въ друга.

А когда же и влюбляться, какъ не на красныхъ зорькахъ беспечной юности!

— А ты, барчукъ, не зѣвай, а поглядывай-то за удочкой! Эфто, чай, не пискарей тягать. Енѣ завсегда объ эфту пору, какъ комарье почнетъ плясать подъ закатъ надъ водою, къ берегу подходить, — пришепетывалъ дѣдка Акимъ полшопотомъ, мелькомъ косясь на меня, и слегка повелъ свою удочку поближе къ камышу: — ишь, солнышко-то за косогоръ ложится. Пора, значить, и ему клевать. А у тебя, свѣтикъ мой, я вижу, все блажь въ головѣ стоитъ? Ты больше на поплавецъ смотри, а не на небо, хе-хе-хе... Рѣка то, чай, вона-сь, гдѣ течетъ, а не въ небесахъ Господнихъ. Эхъ, молодость, молодость! — вздохнулъ онъ, свертывая изъ газеты „козью ножку“. — Самъ, помню, охочь я до дѣвченочъ былъ. Тоже все больше въ небеса поглядывалъ, хе-хе-хе... А Грунюшка моя — дѣвченка хоть куда! Кровь съ молокомъ. На всю округу первая, краше и не сыщешь. Тольки смотри, касатикъ, грѣха на душу не прими! Штобы ни-ни, понялъ? А то и дружбѣ нашей конецъ. Какъ вотъ эфтаго комара-душегубца, придавлю, хе-хе-хе... Э-эхъ, и вечерокъ нынче погожій! Разлюли малинка, а не погода! И комарья — тучица непроглядная. Къ жарамъ знать...

Я разсѣянно, съ улыбною слушаю дѣдку, взглянулъ мелькомъ на бѣлѣющийся у зеленаго камыша поплавокъ и замѣтилъ, что онъ слегка покачнулся, накренился и легъ.

— Береть, — таинственно прошепталь Акимъ, зорко слѣдя за поплавкомъ: — енѣ завсегда такъ. Поначалу, значить, испробуетъ — положить, потомъ узоветъ въ ротъ и почнетъ баловаться — по водѣ кружить, разъ и два, опять поставитъ поплавецъ, снова положить, а апосля уже, какъ во вкусъ войдетъ, такъ, значить, и попретъ въ глыбъ, на дно. Чуешь? Не трожь тольки! Пушай балуется...

Поплавокъ, дѣйствительно, сталъ описывать по водѣ круги, медленно и плавно.

Я осторожно взялся за удилице и весь насторожился. Во мнѣ тоже проснулся охотникъ и милый образъ голубоокой Груни на мгновение затуманился зеленой порослью неподвижно стоявшаго, словно дремлющаго, камыша.

— Ш-ш-ш, — прошипѣлъ Акимъ беззубымъ ртомъ: — не трожь! Напужаешь. Ты меня, старика, слухай... горячиться тутотка не слѣдъ — уйдетъ... Это не съ Грунюшкой въ горѣлки по лугу бѣгать! Тутотка, свѣтикъ, хитрость нужна...

Въ этотъ моментъ поплавокъ Акимовой удочки неожиданно окнулся и исчезъ подъ водою. Акимъ спокойно, не волнуясь, приподнялъ съ земли удилице, ловко подскѣкъ и безшумно вытащилъ фунтовика — окуня. Доволенъ онъ былъ чрезвычайно.

— Лиха бѣда начало, — прошамкалъ онъ, снимая съ крючка бьющуюся рыбу. — Эфтотъ хлюсть съ другимъ карахтеромъ — жадень. Узоветъ — такъ не выпуститъ, взаглоть беретъ. Потому хищникъ, а енѣ благородный, листократъ, можно сказать, — хе-хе-хе, не нашъ братъ лапотный... Тащи, тащи! — вдругъ закричалъ онъ въ какомъ-то охотничьемъ экстазѣ, забросивъ свою удочку. — Эхъ, ты, размазня съ масломъ! А еще скубентъ! Живѣе поворачивайся-то! Вверхъ, вверхъ тяни, голова съ мозгами! Подсѣчь бы допрежь надоть было, въ ротъ те язя... Упустишь такось, ей-ей, упустишь! А потому Грунюшка все въ головѣ сидитъ, замѣсто рыбы-то... Держи выше уду-то! Не ослобоняй лѣски... А еще, гришь, въ Хвинляндіи лососокъ тягаль — гдѣ тебѣ!

Я потянулъ удочку и почувалъ, какъ въ глубинѣ рѣки что-то сильно рванулось на крючкѣ, затрепетало, заметалось и быстро потянуло въ самую глубь. Леска, что струна, натянута.

— Тащи теперича къ берегу, только не вдругъ! — командовалъ Акимъ. — Сорветъ, ей-ей, сорветъ... Ишь, уда-то въ дугу гнется... Эхъ, ты рыбакъ-горе! — презрительно сплюнулъ онъ и ударилъ себя по щекѣ, убивъ комара. — Да нѣшто такъ можно? Чай, енѣ не глупый ершъ. Веди его на меня, къ берегу... во-во... такъ его, шельмеца, што конягу на поводу, по-легоньку, а самъ отходи назадъ... говорятъ тебѣ отходи! Экій неслухъ

какой, прости, Господи! Упустишь, вѣдь, — горячился Акимъ, — Во-во, такъ... Уду-то выше держи, не ослобоняй лески, чтобы мордой кверху, значить... Веди его сюда — къ ракигѣ-то, я его, подлеца, тутотка и сцапаю...

Акимъ, схвативъ сачекъ и весь накренившись надъ рѣкою, такъ и замеръ въ хищнической позѣ страстнаго рыбакова, даже помолодѣвъ какъ-то сразу: глаза заискрились юношескимъ задоромъ, морщинистое лицо сгладилось, оживилось и порозовѣло.

— Веди, веди смѣлѣе — не бойсь! Дудки! Телерича не уйдешь отъ насъ, миленьшъ...

Мгновеніе — и огромнѣйшій, фунтовъ на восемь, если не больше, лещъ лежалъ уже на боку въ его сачкѣ.

— На-а-шъ! — радостно и молодо вскрикнулъ дѣдъ. — Ну, и добротный же! Что теленокъ... Ну, свѣтикъ, какъ ни брыкайся, а штофъ за тобою. Энтакаго красавца выудилъ — рѣдкостный! Самъ покойный отецъ дьяконъ Никодимъ Ефремычъ, царствіе ему небесное, на што ужъ ловкачъ былъ насчетъ лещей, колдунъ, можно сказать, а и тотъ, я чаю, позавидовалъ бы... Спинице-то, спинице! Страсти Господни! Што пороса, гладкій. Нда, энтакаго слона Никодиму Ефремычу и въ жистъ не выудить...

— Да, вѣдь, онъ померъ, Никодимъ-то, — улыбнулся я.

— Што-же, что помѣръ — усеравно ему не выудить. Тутотка, братецъ ты мой, хитрость нужна. Безъ меня ты пропалъ бы. Какой ты рыбакъ! На-ка, принимай его — твой уловъ...

На травянистомъ берегу лежалъ, дѣйствительно, увѣсистый серебристочешуйчатый красавецъ-лещъ, слегка постукивающей хвостомъ по муравѣ и вздрагивающей съ изумленно расширенными глазами, тяжело дышащими жабрами.

— Ишь, какъ упарился, бѣдняга! Што, братъ, попался? Гдѣ ужъ тебѣ, рыбинкѣ, съ человѣкомъ бороться! Сила... Эхъ, Грунюшки-то нашей нѣтъ! Вотъ, порадовалась бы! Поди, съ радости и тебя, касатикъ, зацѣловала бы, а? Хе-хе-хе! Ну-ну, не краснѣй, паря! Самъ плотичекъ въ молодости лавливалъ, хе-хе-хе, — дѣло знакомое... Тс! Телерича помалкивай, — опять зашепталъ онъ: — у меня тоже, вишь, взялся... Глянька, какъ хитро ведетъ — прямо къ камышу норовить...

Поплавокъ его удочки закруглилъ. Акимъ перекрестился и взялся за удилице.

— Ень... по клеву видать, што ень... Эхъ, на пару бы! Пособи, Миколушка Чудотворецъ! Значить, подошли, — шамкалъ онъ

полушопотомъ, весь порозовѣвшій отъ удовольствія: — не заводь, а благодать Божья! Въ ней только ень и держится. Насаживай скорехонько да закидывай, пока солнышко еще не скрылося... Экая погодь-то! Ш-ш-ш, узялъ...

И Акимъ такъ и замеръ съ удочкой въ рукахъ.

Я насадилъ червяка, закинулъ удочку и инстинктивно оглянулся. У опушки стараго, уже потемнѣвшаго, съ едва освѣщенными закатными лучами верхушками, сосноваго бора стояла Груня въ вышитомъ русскомъ костюмѣ и махала мнѣ платочкомъ. Я бросилъ на траву удилице и, къ удивленію дѣда Акима, что-то проворчавшаго, бѣгомъ пустился къ ней.

— Груня, милая! Иди леща смотри! Преогромнѣйшій, — радостно крикнулъ я на бѣгу.

— Не до леща мнѣ, — грустно отвѣтила Груня, здороваясь, и устало опустила на траву: — посидимъ минутку, родной мой, здѣсь — побесѣдуемъ...

Она была чѣмъ-то встревожена.

— Случилось что, Груня? Почему ты такая печальная? О чемъ, родная?

— Житья не стало мнѣ съ мачехой — живьемъ въ гробъ уложить меня готова. Съ утра до ночи пилить и пилить. Увезти меня куда то хочеть, монастыремъ страшаетъ... Пожалѣй, хоть ты меня, несчастную!

И она разрыдалась у меня на груди.

— За что, за что только?! Неужели же за то, что мнѣ жить хочеться, любить, радоваться, смѣяться? Боже милостивый, вѣдь, молада же я!

Я сталь ее утѣшать.

— Вотъ такъ бы всю жизнь просидѣла съ тобою — до самой смѣрти... Легко мнѣ съ тобою, хорошо, родной мой! Люблю я тебя... И дѣдка тебя любить — все внучкомъ тебя называетъ. А ты... любишь-ли свою Груню?...

По синему безоблачному небу равнодушно плыль серебристый молодой мѣсяць. Легкій вѣтерокъ игриво пробѣжалъ по высококой, еще нескошенной травѣ, запестренной бѣложелтою ромашкой, малиновой гвоздикой и розовой кашкой, взвилъ хмѣльно вьющіеся медовые волосы на Груниной головкѣ — и помчался дальше, туда, къ чернѣющему бору...

— Милый... любимый мой...

Алое, какъ маковъ цвѣтъ, солнце скрылось за косогоръ и на траву ложилась бриллиантовая роса. За дымящейся рѣкою тихо плакала пастушья свирѣль.

— Не забудешь? Нѣтъ?.. Твоя, вѣдь, я или ничья, — шептала Груня, ласкаясь, и на алыхъ губахъ улыбка радости и счастья

играла, а въ голубыхъ очахъ все еще дрожали алмазныя слезинки возможнаго горя. — Неужели же она разлучить насъ?

И только плечи ея тихо вздрагивали, какъ у раненой птички крылья, да пальцы судорожно сжимали букетикъ желтыхъ ромашекъ, на которыхъ она такъ любила гадать:

— Любить — не любить...

— Груня... милая Груня!

Грустно чиликали на уснувшей рѣкѣ бысролетныя и пугливыя кулики, грустно шелестѣлъ въ этотъ закатный часъ зеленый высокій камышъ, чуть-чуть колышась и шелестя надъ стальною рѣкою...

Молча, обнявшись, мы подошли къ рѣкѣ.

Акимъ угрюмо сматывалъ удочки.

— Дѣда! Да какихъ вы красавцевъ-то поймали! Ай да дѣда мой! Я еще такихъ и не видывала...

Около Акима, рядомъ съ окунемъ, лежалъ лещъ, пожалуй, больше моего, а немного поодаль — мой, уже уснувшій, безъ признаковъ жизни.

— А эфтаго касатикъ нашъ на твое счастье, Грунюшка, помалъ, — зашамкалъ дѣдъ, сворачивая и мою удочку и недружелюбно взглянулъ на меня исподлобья: — Какъ-разъ въ пору моему...

— На счастье, — грустно проронила Груня и снова поникла медовой головкой:

— гдѣ оно, счастье-то, милый дѣда? За стѣною монастырской, что-ли?

— Гдѣ... гдѣ, — ворчливо бросилъ Акимъ, укладывая рыбу въ мѣшокъ. — Всѣ-то вы, дѣвки, на одну погудку: счастье. А какого рожна, прости Господи, тебѣ еще надоть? Аль ослѣпъ я, ты баешь? Эхъ, ты, глупышка моя! — обнялъ онъ внучку и поцѣловалъ, ласково погладивъ по хмѣльно вьющимся волосамъ. — Люби, пока любится, терпи, пока терпится — и вся недолга! Вотъ тебѣ и счастье, и искать его не надоть. Правда, внучекъ?

— Правда, дѣдушка!

— Слышишь?... Ну, касатикъ, до завтра! Приходи удить. А то сѣнокосъ скоро начнется — щука къ берегу жорить подойдетъ. Тогда леща нипочемъ не уловишь... Ну, я поплетусь — спать охота, а вы, роднуши, погуляйте — погода то малинка!

И, забывъ весь уловъ и удочки, Акимъ вразвалку поплелся вдоль рѣки къ деревнѣ, а мы съ Груней тихо побрели къ любимому нами краснопесочному обрыву надъ безмолвной рѣкой...

Черезъ недѣлю Груня съ мачехой внезапно уѣхали куда-то въ глубь Россіи, а я — на Волгу искать въ ея красотахъ утѣхи всполахамъ первой любовной тоски.

Коппель, 1930 г.

Борисъ Свободинъ

Мнѣ сейчасъ не больно...

Я прииду къ вамъ пьяный и скажу съ улыбкой:

„Мнѣ сейчасъ не больно, мнѣ сейчасъ светло!“

За любовь хмѣльною на прощанье скрипкой

Очарую смѣло и уйду на дно.

Безъ возврата тѣсни облачу въ лохмотья,

Безъ раздѣла жизнь подарю вину,

И быльмя презы разорвавши въ клочья,

Помолюсь искусству, уронивъ слезу.

И пойду по грязной узенькой дорогѣ

Собирать простыя блѣдныя цветы,

И умру забытымъ идь-нибудь въ острогѣ

Или же подъ дряхлой лодкой у рѣки.

Я прииду къ вамъ пьяный и скажу съ улыбкой:

„Въ жизни все убого, въ жизни все смѣшно!“

Поцѣлую платье новенькой ошибки

И уйду, сжавъ губы до крови, на дно.

Леопольдъ Аксъ

* * *

Намъ мозги бы нужно обезвредить,
 Сулемой ихъ трещины промыть —
 Перестали-бы безъ толку вить,
 Перестали-бы мы напрасно бредить!

Мы на жизнь воззрѣли-бы окомъ строимъ
 И, не плача по былымъ утхамъ,
 Строить начали бы обновленный храмъ,
 Прорубивъ въ муши сердцея дороти.

Но мы ждемъ чего-то и вздыхаемъ
 И ворчимъ на все, какъ на экранъ,
 Словно черную стали чуждыхъ странъ
 И Россія стала намъ Китаемъ.

Перновъ.

Борисъ Тапо.

Смѣшное въ жизни деревни.

Не спѣша, медленной походкой бредеть общественная жизнь въ русской деревнѣ на окраинахъ Эстоніи. Невозмутимо и спокойно приглядываются мужички ко всѣмъ нововведеніямъ въ области различныхъ увеселеній и развлеченій, глубже проникающихъ съ каждымъ годомъ въ народныя толщи, по своему, по деревенски, реагируя на тѣ или иныя событія. Изъ повременной печати мы узнаемъ, что въ такой-то деревнѣ работаетъ общество, устраиваются собранія, спектакли, вечера, лекціи и т.д., но большинство остается въ полномъ невѣденіи, какъ все это воспринимается населеніемъ, какова оцѣнка на мѣстахъ, что говорить и какъ переживаетъ все видѣнное и слышанное крестьянинъ.

Въ своихъ маленькихъ наброскахъ, выхваченныхъ путемъ личныхъ наблюденій и рассказовъ очевидцевъ, я хочу подѣлиться съ читателями „Полевыхъ цвѣтовъ“ мелочами смѣшного въ жизни русской окраины. Деревень и именъ не называю, чтобы никто въ обидѣ не былъ, да оно, собственно говоря, и не къ чему. Интересны факты, а безъ остального можно обойтись.

* * *

Мѣстный констабль, единственный представитель власти, задумалъ устроить пожарную тревогу, чтобы провѣрить „боеспособность“ пожарной дружины, быстроту ея прибытія на мѣсто и скоростъ подачи воды.

Задумано — сдѣлано. Загудѣлъ рожокъ. Зашумѣла, зашевелилась деревня. Первыми прибѣжали ребятишки, за ними спѣшили, повязывая на ходу платки, бабы. Констабль, внимательно поглядывая на часы, ждетъ пожарныхъ. Прошло полчаса, — ни машины, ни пожарныхъ. Народъ заволновался.

— Нашъ-то, Акимычъ—начальникъ, на вѣрно пьянъ!.. — тычетъ пальцемъ въ часы констабля ядреная баба Авдотья, одновременно укачивая на рукахъ младенца.

— Поджечь бы его домъ, живо бы очухался! — слышится въ толпѣ.

— Эва!.. ѣдутъ!.. — Всѣ шарахнулись въ сторону.

Съ пригорка въ прискокку мчалась телѣга съ нагруженной машиной доисторическихъ временъ. Нѣсколько парней, изображавшихъ лошадинную тягу, мокрые, съ потными лицами, остановились около блюстителя власти.

— Сымай машину, приспособь къ мѣсту, давай воду! — раздалась команда. Съ шумомъ сняли машину.

— Братцы, а кишки гдѣ?!..

— Тамъ...—раздался неувѣренный голосъ помощника начальника, протянувшего руку въ неопредѣленномъ направленіи. Начались

поиски рукавовъ. Оказывается забыли, что они сохранялись въ другомъ концѣ деревни. Отрядили людей за рукавами. Всѣ ждутъ, что будетъ дальше. Констабль, мрачнѣе тучи, поглядываетъ на часы и молчитъ. Народъ, понявъ, что пожаръ не всамдѣлшній, повеселѣлъ.

— Ребята, вези машину къ рукавамъ, что ихъ ждать-то!.. — хитро подмигнувъ, сказалъ мужиченко съ сѣденькой бородкой. Машину взвалили на телѣгу и повезли. Тѣмъ временемъ пришли люди съ рукавами, вернувшіеся другой дорогой, болѣе краткой, и, конечно, машины тутъ не нашли.

— Тащи обратно, машина кишки ищетъ!..—Въ конецъ растерявшіеся пожарные, сопровождаемые хохотомъ и крикомъ, помчались обратно въ догонку машинѣ.

Ввинтили рукава.

— Воду!.. — Раздался зычный голосъ, протрезвѣвшаго отъ бѣготни, Акимыча.

— Не можемъ, брансбойта нѣту! — послышалось въ отвѣтъ.

Пока взадъ и впередъ таскали рукава, потеряли брансбойтъ. Пришлось послать людей на поиски потери. Спустя четверть часа мальчишки принесли найденный на дорогѣ брансбойтъ. Въ протоколѣ было записано: „...воду удалось дать спустя два часа тридцать шесть минутъ съ момента объявленія пожарной тревоги“.

* * *

Празднуется „День Русскаго Просвѣщенія“. На импровизированной эстрадѣ подѣ открытымъ небомъ актъ. Выступаетъ очередной ораторъ, изъ мѣстныхъ купцовъ, съ привѣтствіемъ. Важный, говорить не торопяся, почесывая затылокъ и расхаживая на помостѣ.

— „Такъ вотъ, значить, сегодня „День Русскаго Просвѣщенія“. Разрѣшите мнѣ присовокупить свое поздравленіе, потому что мы должны слѣдовать примѣру нашихъ русскихъ писателей, научившихъ насъ жить по романамъ, повѣстямъ и рассказамъ. Всѣ вы знаете про Толстого, который написалъ „Войну и миръ“, „Воскресенье“ и т. д. Онъ замѣчательно интересно пишетъ. У него, какъ бы это сказать, все выходитъ здорово красиво и пикантно. Потомъ у насъ былъ Рѣпинъ, художникъ-портретистъ, онъ пока еще живъ, живетъ въ Ку... ке... ку, ну, однимъ словомъ, въ Финляндіи, да, и сейчасъ онъ еще пишетъ и къ нему пріѣзжаютъ знаменитые гости, вродѣ писателей и музыкантовъ. Есть еще знаменитый пѣвецъ Шалапинъ. Навѣрно вы всѣ его слышали. Удивительный

и сильный голосъ. Когда онъ поетъ, всѣ внимательно слушаютъ, потому что такого голоса никогда еще не было!..“ —

Ораторъ перечисляетъ всѣхъ русскихъ знаменитостей, давая о каждомъ подробную оцѣнку. Всѣ слушаютъ и одновременно лущатъ сѣмечки. Успѣхъ необычайный, выражаясь рецензентскимъ языкомъ, публика провожаетъ оратора шумными аплодисментами.

* * *

Въ маленькомъ залѣ народнаго дома душно, пахнетъ виннымъ перегаромъ, свѣжимъ зеленымъ лукомъ и деревяннымъ масломъ напомаженныхъ головъ кавалеровъ.

Очередная боевая деревенская премьера. Фарсъ съ раздѣваніемъ подѣ названіемъ „Ухажоръ подѣ кроватью“.

Преобладаетъ зеленая молодежь. Есть старики, степенные мужики, стриженные „подѣ горшокъ“ съ увѣсистыми бородами. Бабы въ длинныхъ сарафанахъ, въ кумачевыхъ платкахъ. Артисты для настроенія слегка навеселѣ, въ особенности молодой человекъ, играющій роль ухажора.

По ходу пьесы ему приходится остаться на сценѣ въ женской сорочкѣ и въ извѣстный моментъ лѣзть подѣ кровать.

Дѣйствіе разворачивается съ кинематографической быстротой. Женихъ-артистъ лопочетъ какія-то безсвязныя слова, сильно жестикулируетъ, слегка покачиваясь въ сторону кухонной лампы, высовывающейся изъ за рамы, опредѣленно имѣя намѣреніе ее разбить. Публика живо реагируетъ на его игру, подбадриваетъ и смѣется.

Наступаетъ самый интересный моментъ: жениху надо лѣзть подѣ кровать, чтобы спрятаться отъ ревниваго мужа и спасти вѣроломную измѣнницу отъ семейной расправы.

Какъ бѣшенный, женихъ стремительно бросается подѣ кровать, его сорочка зацѣпляется за желѣзные прутья и онъ предстаетъ передѣ публикой въ адаломомъ видѣ; напрасна попытка вылѣзти изъ подѣ кровати и спустить задрвшуюся сорочку. Въ залѣ невообразимый шумъ. Несутся реплики изъ публики, старики, держась за животы, ржутъ, какъ лошади, молодежь, повскакавъ съ мѣсть, аплодируетъ неудачнику, дѣвушки стыдливо отвернулись въ сторону, не зная, что предпринять.

Закрывается занавѣсъ. Фарсъ не удаётся закончить.

Ст. Владиміровичъ

Геній.

Подвигъ умеръ, родился расчетъ.
 Въ каждомъ выросъ практическій геній.
 И никто за собой не влечетъ
 Въ мѣръ исканій, надеждъ и горьнѣй!
 Кто-то жутокій читаетъ Псалтырь,
 И стоятъ все предъ денежной мѣркой.
 Рафаэль и Руссо и Шекспиръ
 Затмѣнились валютною сдѣлкой!
 Выливъ честь, какъ помои, въ ведро,
 Не живемъ, а чинимъ, прозябаемъ.
 Мы, конечно, забыли Дидро,
 Но Ремарка доподлинно знаемъ!
 Тверже камня всеобщій кумиръ
 Изъ бумагъ, векселей, пролоннацій.
 И горитъ умирающій мѣръ,
 Подоженный огнемъ спекуляцій.
 И ликують уроды сморчки,
 Сотрясая святая основы.
 И травой поросли старички,
 Тамъ, какіе-то эти Лысковы!
 Но все это, — горячечный бредъ.
 И въ итогъ событій — курьезность.
 Просто напросто нѣсколько лѣтъ —
 Такъ должна проболтъ современность.
 И, я вѣрю, наступитъ пора,
 Когда соръ отметутъ въ безконечность
 И воздвигнута будетъ гора,
 А на ней, какъ маякъ, челоѣчность!
 И тогда на грядущей зарѣ
 Вспыхнутъ радуги чистыхъ горьнѣй,
 Потому, что зажежетъ на горѣ
 Яркій свѣтъ челоѣческой Геній!

Влад. Гуцикъ

Неизданныя письма

В. И. Крыжановской (Рочестеръ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Ревель въ условіяхъ страшной нищеты и голода умерла отъ чахотки извѣстная русская писательница — оккультистка, В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Съ Крыжановской мнѣ пришлось познакомиться въ 1921 г. въ Нарвѣ. Она жила на Магазиной ул. № 7, въ маленькой сырой комнатѣ, передѣланной изъ прихожей. Въ день знакомства съ нею, на улицѣ бушевала вьюга, и въ комнатѣ ея былъ ледяной холодъ. У Крыжановской (Рочестеръ) бывали дни, когда она сидѣла буквально безъ куска хлѣба и свѣта. О дальнѣйшихъ подробностяхъ

ея жизни какъ-нибудь сообщимъ въ послѣдующихъ номерахъ нашего журнала, а теперь перейдемъ къ ея письмамъ, которыя пришлось получать мнѣ по ея отъѣздѣ изъ Нарвы въ Ревель и которыя представляютъ большой интересъ для ея многочисленныхъ читателей. Минувя нѣкоторыя подробности, носящія личный характеръ, привожу наиболѣе интересные выдержки изъ писемъ

Въ іюль 1921 г. въ ревельской газетѣ „Послѣднія Извѣстія“ появилась перепечатка

изъ совѣтской газеты „Правда“. Вотъ, что тамъ напечатано: „За послѣднее время въ Россіи появилось много людей, выжившихъ по мнѣнію психіаторовъ свои патологическіе характеры вслѣдствіе особенностей условій жизни: пророковъ, ясновидящихъ и медиумовъ. Послѣдніе имѣютъ огромный успѣхъ благодаря своей убѣжденности, некорыстолюбію, чистотѣ жизни. Вокругъ нихъ многочисленныя толпы поклонниковъ. Всѣ эти ясновидящіе пророки увѣрены въ исполненіи всего того, что они узнали путемъ общенія съ потустороннимъ міромъ. Въ настоящее время по всей Россіи имѣется рядъ обществъ, которыя носятъ названіе братскихъ союзовъ. Цѣль означенныхъ союзовъ — общеніе съ загробнымъ міромъ, помощь и любовь къ ближнимъ, въ особенности къ дѣтямъ, и распространеніе ученія оккультизма. Среди этихъ людей наибольшей извѣстностью пользуется высококультурный человекъ, Иванъ Павлушинъ. Его работа въ области оккультизма сдѣлала его самымъ извѣстнымъ не только въ Москвѣ, гдѣ онъ проживаетъ, но и по всей Россіи. Павлушинъ занимается оккультнымъ лѣченіемъ всѣхъ болѣзней съ огромнымъ успѣхомъ“. Читали ли Вы въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“ эту замѣтку? Близится время, когда оккультизмъ не будетъ предметомъ насмѣшекъ, а будетъ изучаться, какъ наука.

Благодарю за вырѣзку объ Евфросиніи Полоцкой. Вы просите меня написать статью въ Вашъ зарождающійся журналъ „Радуга“, но я не знаю, въ какомъ духѣ будетъ Вашъ журналъ. Я не совѣтовала бы его дѣлать политическимъ. Попробуйте издать оккультный журналъ — это пища для души. Политики и такъ много! Въ настоящее время необходимо писать о загробномъ мірѣ, о задачахъ человека на землѣ и о духовныхъ силахъ въ человекѣ, показать людямъ пути для усовершенствованія. Въ обновленной Россіи нужны будутъ работники по оккультизму. Оккультизмъ — это религія будущаго. Недалеко то время, когда будутъ оккультныя школы, оккультная медицина и даже священнослужители будутъ не такіе, какъ теперь, а понимающіе магическое значеніе религіи. Умеръ старый міръ, нарождается новый! Міръ раздѣленъ на два лагеря: служителей свѣта и служителей грядущаго Антихриста. Для борьбы съ духомъ тьмы надо готовить воинство не слѣпыхъ вѣрующихъ, а зрячихъ, понимающихъ тайны загробнаго міра, его законы. Слѣдовало бы сдѣлать починъ и начать издавать оккультный журналъ. Подумайте объ этомъ серьезно и, въ интересахъ спасенія человѣческой души, начните это дѣло.

У насъ не все благополучно. У меня было воспаленіе легкихъ и теперь осложнилось кровохарканіемъ. Пожалуй, придется брать визу въ потусторонній міръ. Впрочемъ, это меня не страшитъ, — очень ужъ тяжело приходится, да на что, собственно, я еще нужна. Дочь моя, Тамара, тоже лежитъ вторую недѣлю: больна гриппознымъ воспаленіемъ легкихъ. Простудилась, когда служила кельнершей въ кафе. При нашей дороговизнѣ очень тяжело хворать.

Очень рада была получить Ваше письмо. Я давно собиралась писать, но хворала. Сердце у меня плохо работаетъ, общая слабость и кромѣ того надо вести еще дѣловую корреспонденцію. Вѣдь головой надо прокладывать дорогу своимъ произведеніямъ, а какъ это трудно, Вы знаете сами. Господинъ Н. показалъ себя довольно скверно, — завалилъ мои статьи, нашелъ выгоднымъ ихъ не печатать, чтобы не портить кровь врагамъ моей родины. Какъ трудно проводить русскую патриотическую идею, сколько предателей среди русскихъ. Съ какимъ ледянымъ спокойствіемъ смотритъ Европа на русскія страданія. А мы то преклонялись передъ нею и восхищались ея гуманностью. Близится время, когда и надъ Европой прозвучитъ набатный колоколъ. Все будетъ охвачено ужасомъ и пламенемъ. Но вѣрьте, настанетъ часъ, когда они (европейцы) будутъ искать спасенія у Россіи. Нищіе, оборванные, плачущіе, какъ и мы, они прійдутъ къ нашему порогу и также протянутъ руки къ нашему хлѣбу. Ну, да Господь съ ними! Все это время я никакихъ статей не писала. У насъ очень сыро и холодно, у меня ревматизмъ и мнѣ очень трудно много писать. Передайте отцу Н. мой привѣтъ. Мнѣ было очень пріятно, что онъ, какъ священникъ, понялъ смыслъ моихъ сочиненій. Да, наступаетъ время, когда спасать ученіе Христа будетъ только посвященный въ оккультныя тайны — служитель алтаря, постигшій могучую магическую силу обрядовъ и таинствъ, не пассивный исполнитель, а живой посредникъ, получающій лучистую силу свыше и передающій ее паствѣ. Вѣра въ эту мистическую силу сдѣлаетъ изъ него исполина духа. Человѣчество стало прокаженнымъ стадомъ. Нужны врачи не только тѣла, но и души. Идетъ гибель, надо спасать человека. Нужны исполины духа. Духъ этотъ вырабатывается только путемъ погруженія въ чистую воду надземнаго.

Ваши мысли отвѣчаютъ моимъ мыслямъ и Ваша тревога мнѣ понятна. Культъ золотого тельца, культъ наслажденій, безуміе

разрушенія, накопленіе колоссальныхъ богатствъ въ Европѣ и Америкѣ пробудить всѣ жадные инстинкты не только большевиковъ, но и желтыхъ, негровъ и индуссовъ. Удовлетворенію этихъ инстинктовъ способствуютъ сами же европейцы. Европейцы, обучая военному искусству цвѣтные народы, незамѣтно для себя плетутъ кнутъ для своей спины. Ни китайцы, ни негры, ни индуссы не забудутъ всѣ страданія, которыя они вытерпѣли отъ нѣмцевъ, англичанъ и др. Кромѣ этого развивается колоссальная алчность рабочаго класса, слѣдствіемъ которой будетъ уничтоженіе многихъ фабричныхъ отраслей. Грандіозныя изобрѣтенія машинъ, замѣняющихъ ручной трудъ, превращеніе черни въ господствующіе классы, а интеллигенцію въ рабочихъ, возбудитъ невообразимую классовую ненависть и затаенное желаніе отомщенія. Новое сословіе золотой валюты: билліардеры, милліардеры, триллиардеры и просто скромные милліонеры будетъ угнетать всѣ другія сословія. Биржевая спекуляція достигнетъ своего апогея. Всѣ искусства превратятся въ фабричныя издѣлія. Художественный геній творчества пропадетъ, высшей школы цѣнителей искусства не будетъ. Разбогатѣвшей черни негдѣ будетъ научиться цѣнить Рубенсовъ и Рафаэлей. Чернь не приобрететъ дара цѣнителя художественныхъ произведеній. Некому будетъ этой новонародившейся золотократіи преподавать уроки искусства и утонченныхъ манеръ. Все превратится на этомъ топкомъ болотѣ, покрытомъ золотомъ, въ праздникъ, зрѣлища, балы, маскарады и оргіи. Все будетъ однимъ грандіознымъ кабаре, гдѣ для услажденія новой аристократіи будутъ плясать бывшіе князья, графини, баронессы и офицеры. Пока Европа и Америка блаженно будутъ разооружаться, дабы миръ царствовалъ и чтобы одинъ не могъ напасть на другого, микробы крамолы, революціи, зависти и алчности внѣдряются въ нѣкогда презрѣнные цвѣтные народы и внушаютъ имъ сплотиться. Они учтутъ слабость сопротивленія разооруженной Европы. Учитывающая нравственный и физическій упадокъ бѣлыхъ, цвѣтные народы, подстрекаемые тайной агитаціонной пропогоандой и тѣми ловкими подстрекателями, которые сгубили Россію и заставили Европу трещать по всѣмъ швамъ, объявятъ страшную войну бѣлымъ всѣхъ національностей. Часть черныхъ и желтыхъ займется Америкой, а остальные съ моря и съ суши нахлынутъ на Европу. Европейская дипломатія осудила Россію на смерть. Скрестивъ спокойно руки, она любовалась гибелью лучшихъ русскихъ людей и ограбленіемъ ее богатствъ. Скупала награбленные богатства русскихъ музеевъ и церквей, молча глядѣла, какъ милліоны умирали съ голода, какъ сдирали со святыхъ иконъ брилліанты,

чтобы украшать падшихъ женщинъ. Европа опьянялась трупнымъ запахомъ умирающей страны, ее не тронули даже страданія умирающихъ дѣтей. Кто съѣтъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю! Карма, которую профаны не признаютъ, осудила на такую же смерть жестокою, немилосердную Европу, осудила за поруганіе человѣческихъ правъ, за нарушеніе астральныхъ флюидическихъ правъ и законовъ равновѣсія. Хаосъ порождаетъ хаосъ. И тѣ же руки, которыя погубили несчастную Россію, загубятъ и Европу. И не будетъ пощады, и не будетъ спасенія. Глухіе раскаты грома, несущіе бурю, бурлятъ въ Африкѣ и Индіи. Только слѣпой не видитъ предвѣстниковъ надвигающейся бури. Славное управленіе Ллойдъ-Джоржа уже ознаменовалось отпаденіемъ Египта, Ирландіи, вспышкой въ Индіи. Но это только начало. Надвигается страшное нашествіе на Европу цвѣтныхъ народовъ. Ненавистное царство бѣлыхъ будетъ сметено бурей этого нашествія. На эту опасность никто не обращаетъ вниманія, и европейскіе народы попрежнему кружатся въ дикомъ безудержномъ танцѣ вокругъ золотого тельца.

Страшную картину представляетъ свихнувшееся человѣчество. Безуміе охватило людей, а, сохранившіе еще разумъ, люди съ трепетомъ смотрятъ на разложеніе нравственное и физическое и невольно спрашиваютъ: почему должны погибнуть цѣлые народы.

Мы, оккультисты, отвѣтимъ тѣмъ, которые желаютъ знать и познать законы потусторонняго міра. Въ мірѣ, который мы видимъ, все объясняется міромъ, нами невидимымъ. Да, невидимый міръ, столь осмѣянный матеріалистами, хранитъ тайну, которую люди, т. е. толпа профановъ, не знаютъ, не понимаютъ и, какъ заблудившееся стадо, не находятъ выхода, всегда забывая, что люди—проходящія тѣни на землѣ. Наше прошлое въ потустороннемъ мірѣ, настоящее во власти Кармы и будущее въ загробномъ мірѣ. Между тѣмъ людямъ кажется, что для короткой земной жизни имъ всего мало. Алчные и жадные, они хотѣли бы все захватить, жестоко вырывая кусокъ хлѣба другъ у друга. Въ погонѣ за ничтожными матеріальными цѣнностями, человекъ забываетъ, что милліардеру и нищему одинаково отпускается три аршина земли и что тѣло, для котораго они такъ много грѣшили, стало добычей червей.

Медленное зараженіе атмосферы началось уже давно. Микробы теперь получили права гражданства. Ученые признали ихъ, добрались къ нимъ и считаютъ ихъ обычнымъ явленіемъ. Но есть микробы духовные, надъ которыми ученые ставятъ вопросительный

знакъ, а эти страшнѣ первыхъ. Посвященные древнихъ храмовъ знали о нихъ, и знали, какъ съ ними бороться. Массовыя полчища микробовъ, поработающія людей и цѣлые классы народовъ — это гипнотическое, ментальное творчество людей, сильныхъ порочныхъ умовъ. Зарожденіе этихъ микробовъ въ зловонной атмосферѣ злобы, зависти, жестокости и пороковъ всѣхъ видовъ. Развращенный человѣкъ представляетъ изъ себя очагъ нравственной заразы страшнѣ, чѣмъ большой чумой, проказой и тифомъ. Изъ его извращеннаго грязными порочными желаніями мозга вылетаетъ рой микробовъ чувственнаго разврата, разгула, пьянства, алчности и жестокости. Запахъ этихъ гнусныхъ плотскихъ чувствъ создаетъ ядовитое испареніе выгребныхъ ямъ, одурманивающее тѣхъ, кто подпадаетъ подъ ихъ вліяніе. Недаромъ говорятъ, что дурное общество заразительно. Напримѣръ, бываютъ женщины и мужчины, не

обладающіе ни умомъ, ни красотой, ни богатствомъ, а возбуждающіе страсти и животную любовь къ себѣ. Вотъ французъ Ландрью, убившій шестнадцать женщинъ. Всѣ они были влюблены въ него, а онъ былъ старъ, некрасивъ и бѣденъ, но вооруженъ цѣлой арміей микробовъ, возбуждающихъ чувственность поработенныхъ имъ женщинъ. Порнографическая развращенная литература насыщена этими зловредными микробами. Подобная литература заволакиваетъ душу и мозгъ читателя и возбуждаетъ нечистыя желанія, она убиваетъ душу народа. Кабалисты знаютъ тайну этихъ микробовъ, невидимыхъ, страшныхъ, неуловимыхъ пособниковъ гибели человѣчества.

На этомъ вопросѣ я остановлюсь болѣе подробно въ слѣдующемъ письмѣ. Чувствую недомоганіе и слабость.

Н.

Всѣ читайте литературно-общественный журналъ

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	въ Эстоніи	за границую
на годъ	— 4 кр. 20 ц.	— 1 дол. 20 ц.
на $\frac{1}{2}$ года	— 2 кр. 10 ц.	— 60 ц.
на $\frac{1}{4}$ года	— 1 кр. 05 ц.	— 30 ц.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Эстоніи 35 эст. центовъ, за границую 10 ам. центовъ.

Въ продажѣ во всѣхъ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ.

Русскіе въ Эстоніи.

Двѣ причины мірового порядка — война и революція — опредѣлившія на много десятилѣтій ходъ всей міровой жизни, опредѣлили и ходъ жизни нашей. И, разбираясь въ порой сложномъ, порой очень простомъ теченіи ея, всегда необходимо имѣть ихъ въ виду и изъ нихъ исходить. Міровая война перекроила карту Европы. Версальскіе договоры, устанавливавшіе миръ и порядокъ въ этой новой Европѣ, принесли міру новыя нормы, новыя установленія. И вотъ тогда въ международныхъ договорахъ родилось то новое право, которое опредѣлило нашу теперешнюю жизнь — право меньшинственное. Самоопредѣленіе

національностей, жившихъ на территоріи бывшей Россіи, вылившееся въ образованіе новыхъ государствъ, привело къ тому, что русское населеніе, жившее въ предѣлахъ этихъ государствъ, оказалось въ положеніи меньшинства. Такое же явленіе произошло и при проведеніи нѣкоторыхъ границъ на западѣ. И вотъ, съ цѣлью обеспечить за національными меньшинствами равенства въ правахъ съ большинствомъ страны, а также право на самостоятельное культурное развитіе, и были включены въ международные договоры особыя пункты, которые и обеспечивали это меньшинственное право. Такъ, гарантированное

международными договорами и охраняемое Лигой Націй, вошло оно въ жизнь, но въ практикѣ каждой страны проходило оно весьма различно.

Для насъ сейчасъ вопросъ этотъ интересенъ съ точки зрѣнія русскаго — эстонскаго гражданина: какъ осуществляется у насъ меньшинственное право? И точнѣе: какъ осуществляется оно нами самими на имѣющейся основѣ? Двѣ стороны этого вопроса — политическая и культурная — дадутъ разный отвѣтъ. Согласно конституціи страны, политическія права гражданъ русской національности могутъ осуществляться свободно. Но въ практикѣ русскіе за десятилѣтіе не смогли создать ни достойнаго представительства въ парламентѣ, ни авторитетной объединяющей политической организаціи. Есть двѣ партіи, есть „союз“, представляющій особую группировку, и есть между ними разнობой. Не входитъ въ задачи настоящей статьи искать причины этого явленія и давать пути къ его разрѣшенію, но необходимо лишній разъ напомнить, что сейчасъ это вопросъ самый актуальный и отъ разрѣшенія его зависитъ вся дальнѣйшая жизнь русскаго меньшинства.

Культурныя права русскаго меньшинства, кромѣ конституціи, обеспечены закономъ о культурной автономіи. Но въ силу ряда причинъ, изъ которыхъ одна — неподготовленность населенія, культурная автономія не проведена и вопросъ этотъ какъ то сошелъ съ порядка дня. Однако результатъ культурной работы несравненно большій, нежели работы политической. И вотъ эту сторону вопроса необходимо освѣтить больше и глубже, ибо въ ней залогъ дальнѣйшаго и политическаго, и экономическаго роста русскаго меньшинства. Культурный ростъ населенія, именно массы его, а не городскихъ верховъ, и является той основой, на которой можно будетъ построить будущую новую жизнь — свѣтлую духовно и крѣпкую хозяйственно.

Темпъ и ходъ развитія культурной работы среди русскаго меньшинства опредѣлился революціей и связанными съ нею хозяйственными и политическими сдвигами и реформами. Именно въ силу революціи — ея идей, ея встряски — культурно-общественная жизнь всѣхъ странъ пошла по иному пути. Именно благодаря революціи съ ея громадной экспериментальной практикой всѣ страны быстрымъ темпомъ и новыми методами повели работу съ массами. Такъ и здѣсь. Пройдя черезъ всѣ этапы гражданской войны, очутившись въ условіяхъ новой государственности, лицомъ къ лицу съ рядомъ бытовыхъ и хозяйственныхъ реформъ, населеніе неизбежно должно было какъ-то осознать и принять все происшедшее и опредѣлить свое отношеніе къ нему. Въ новыхъ условіяхъ

жизни жить по старому было нельзя. Въ результатъ быстрый ростъ культурной самоорганизации, ибо лишь въ коллективѣ, замѣнившемъ прежній „міръ“, мыслилось найти нужные отвѣты. Ростъ этотъ былъ стихіенъ и потому неорганизованъ. Чувствовалось только, что надо — учиться. Но съ момента организаціи Союза русскихъ просвѣтительныхъ обществъ, лѣтъ восемь тому назадъ, — акта, показавшаго сознательность и дальновидность мѣстныхъ организацій, движеніе приобрѣло организованный характеръ. Имѣя авторитетный руководящій идейный и организаціонно-дѣловой центръ, мѣстныя просвѣтительныя общества стали на путь культурно-воспитательной работы среди населенія. Насажденіе нѣкоторыхъ практическихъ знаний, поднятіе общаго культурнаго уровня, выработка мировоззрѣнія, воспитаніе сознательнаго гражданина — вотъ задачи, поставленныя себѣ этими организаціями. Формы работы, проводимыя ими въ жизнь съ помощью инструкторскаго кадра Союза, весьма разнообразны: спектакль, чтеніе, собесѣдованіе, лекція, литературный судъ, воскресная школа, общеобразовательные и спеціальныя курсы, „дни книги“. И какъ большіе праздники, увѣнчивающіе всю общественно-просвѣтительную работу „Дни Просвѣщенія“. Растетъ число народныхъ домовъ, создаются очаги, которые путемъ упорной работы, путемъ открытія постоянно дѣйствующей и соотвѣтственно оборудованной особой комнаты-читальни, должны стать культурными и общественными центрами деревни. И главнымъ методомъ работы является самодѣятельность.

Такова культурная работа среди русскаго меньшинства. О школѣ мы не говоримъ, т. к. она построена на общихъ основаніяхъ. Работа громадная и по обхвату, и по глубинѣ, — и она все ширится и крѣпнетъ. И роль, и значеніе въ ней Союза просвѣтительныхъ обществъ признаны всей страной. Для характеристики его можно хотя бы сказать, что Союзъ объединяетъ свыше 70 организацій.

Выводы? Они ясны и просты. Здѣсь, рядомъ съ нами, строится новая жизнь. И культурно, и хозяйственно масса русскаго крестьянства на нашихъ окраинахъ идетъ впередъ и впередъ. Творчество этой новой жизни идетъ среди многихъ препятствій. Падаетъ энергія временами, происходятъ срывы, дѣлаетъ свое дѣло алкоголь, — но движеніе впередъ несомнѣнно. И вотъ понять происходящее и привѣтствовать эту борьбу, эту стройку жизни, внушить бодрость, поддержать — вотъ задача тѣхъ, кто стоитъ въ сторонѣ, хочетъ живого дѣла, но не видитъ его. Оно рядомъ!

Т. Кирилловъ.

Шахматы.

Подъ редакціей П. Юхновскаго.

Задача № 1.

Л. И. (К. А. Л.) Куббеля (I призъ конк. „La Nau“ 1929 г.).

Бѣлые: Кр e1, Ф f3, С e4, Л d8; п. a3, a4, c5, c6, h3, h5, h6 (11).

Черные: Кр e5, К h1; п. a5, e6, h4, h7 (6).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ три хода.

Задача № 2.

Р. М. Каспаряна (Тифлисъ).

Бѣлые: Кр f1, Ф d3, К a3, К a4; п. c 2, c3 (6).

Черные: Кр c1, С b1. К a1; п. f4 (4).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ три хода.

Этюдь № 1.

В. Королькова (Грозный).

Бѣлые: Кр h5, Ф a6, С c6, К e8; п. d7, e6, f6 (7).

Черные: Кр f8, Ф g3, Л b4; п. g7 (4).

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Фамилии лицъ, приславшихъ правильныя рѣшенія, будутъ опубликованы въ слѣдующемъ н-рѣ.

Хроника.

Борьба за первенство міра въ текущемъ году, по всей вѣроятности, не выйдетъ изъ стадій предварительныхъ переговоровъ. Чемпионъ міра А. А. Алехинъ имѣетъ въ настоящее время два вызова: отъ эксъ-чемпиона Х.-Р. Капабланки и отъ побѣдителя Карлсбадскаго турнира и занявшаго второе мѣсто (непосредственно послѣ Алехина) въ турнирѣ въ Санъ-Ремо А. И. Нимцовича. Въ результатѣ длительныхъ переговоровъ съ имѣющимъ преимущество пераго вызова Капабланкой была назначена встрѣча обоихъ противниковъ въ 1931 году въ Буэносъ-Айресѣ, но, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, матеріальныя затрудненія помѣшаютъ этой встрѣчѣ, и, возможно, она вовсе не состоится. Окончательно вопросъ рѣшится осенью.

Послѣ блестящаго турнира въ Санъ-Ремо въ началѣ текущаго года, закончившагося ослѣпительной побѣдой Алехина (13 выигранныхъ, 2 ничьихъ и ни одного проигрыша) въ международной шахматной жизни особенно интересныя событія до послѣдняго времени не было. Весной были международныя турниры съ не особенно сильными составомъ въ Парижѣ (побѣдитель — Е. Зноско-Боровскій, II и III мѣста подѣлили Тартаковерь и Гальберштадтъ), въ Скарборо (Колль) и въ Свинемюнде (Земишъ). Зато въ каждомъ государствѣ шла усиленная подготовка къ крупнѣйшему событію мировой шахматной жизни въ текущемъ году — къ конгрессу Международной Шахматной

Федерации (Fédération Internationale des Echecques) начавшемуся 12 іюля с. г. въ Гамбургѣ. Этотъ городъ былъ избранъ въ ознаменованіе исполнившагося въ текущемъ году 100-лѣтняго юбилея существующаго въ немъ шахматнаго клуба. 18 государствъ (Австрія, Англія, Венгрія, Германія, Голландія, Данія, Исландія, Испанія, Латвія, Литва, Норвегія, Польша, Румынія, Соед. Штаты, Финляндія, Франція, Чехословакія и Швеція) отправили въ Гамбургъ лучшихъ своихъ шахматистовъ для принятія участія въ командномъ турнирѣ націй на первенство въ мірѣ. Дважды ранѣе завоевавшая званіе чемпиона міра Венгрія на этотъ разъ подвергается опасности потерять это званіе; по имѣющимся газетнымъ свѣдѣніямъ, послѣ XI тура наиболѣе серьезнымъ соперникомъ является теперь Польша, которую представляютъ два гроестера — А. К. Рубинштейнъ и С. К. Тартаковерь, Пшениорка и Макарчикъ, и Германія. Изъ прибалтійскихъ странъ хорошихъ результатовъ добилась Латвія, которую представляютъ Апшенѣкк, Петровъ, Фейгинъ и Таубе. Наводитъ на печальныя размышленія отсутствіе въ списокѣ государствъ двухъ именъ: Россія и Эстонія. Совѣтскіе русскіе шахматисты прикованы къ рабочему шахматному интернационалу и не имѣютъ права выступать на буржуазныхъ состязаніяхъ. Русскіе эмигранты, которые могли бы выставить непобѣдимую команду, до сихъ поръ не соорганизовались въ союзъ (попытка газеты „Возрожденіе“ осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь), и ихъ гениальные представители или представляютъ оказавшую имъ гостепріимство страну (Алехинъ — Франція) или вовсе не участвуютъ въ турнирѣ. Аналогично дѣло обстоитъ и съ Эстоніей. По совершенно непростительной небрежности (употребляемъ самое скромное выраженіе) Эстонскій Шахматный Союзъ, зарегистрированный въ Мин-вѣ Вн. дѣлъ 3 февраля 1927 г., до сего времени ничѣмъ не проявляетъ своего существованія, каждый кружокъ и клубъ живетъ своей обособленной жизнью, многочисленные столичныя и провинціальныя шахматисты не имѣютъ своего представительства и центра, и въ результатѣ Эстонія, имѣющая такихъ сильныхъ шахматистовъ, какъ Тюрнъ, Микенасъ, Ринне, Фридеманъ, неоднократно съ успѣхомъ боровавшая и съ Латвіей, и съ Финляндіей, въ Гамбургѣ оказалась не представленной.

Одновременно съ мужскимъ команднымъ турниромъ въ Гамбургѣ протекаетъ, также на первенство въ мірѣ, и женскій одиночный, въ которомъ Вѣра Менчикъ не особенно успѣшно защищаетъ свой титулъ чемпиона міра противъ четырехъ конкурентокъ.

Изъ событій эстонской шахматной жизни заслуживаютъ быть отмѣченными два всеэстонскихъ турнира учащейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, первый на Рождествѣ прошлаго года въ Гапсалѣ (I и II мѣста заняли нарвѣяне Оллино и Резевъ) и второй на Пасхѣ текущаго года въ Ревелѣ, на которомъ нарвцы не участвовали (побѣдитель 14-лѣтній Кересъ); Ревельскій чемпионатъ, выигранный послѣ ожесточенной борьбы съ Г. Фридеманомъ побѣдителемъ двухъ предыдущихъ чемпионатовъ Владиславомъ Микенасъ. и два матча, сыгранные ревельскими шахматистами на Троицѣ с. г. въ Гельсингфорсѣ съ финнами, оба раза съ неудачнымъ для Эстоніи результатомъ (первый матчъ, сборная Ревель — сборная Гельсингфорсѣ, проигранъ нашими шахматистами со счетомъ 8:11, а второй — шахм. секція „Kalev“ — Helsingi Allmänna Schacksällskaf — 4:6). Трехкратный чемпионъ г. Ревеля В. Микенасъ вызвалъ на матчъ на первенство въ Эстоніи теперешняго мастера Тюрна. Переговоры привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, и матчъ состоится въ августѣ или сентябрѣ мѣс. с. г., по всей вѣроятности, въ Гапсалѣ.

Въ Нарвѣ въ настоящее время существуетъ три шахматныхъ общества. Старѣйшее изъ нихъ — шахматный кружокъ при Сп.-Пр. О-вѣ „Святогоръ“, основанный въ ноябрѣ 1927 года, долгое время былъ единственнымъ центромъ нарвской интересующейся шахматами молодежи, независимо отъ национальности и, не считая ряда мелкихъ турнировъ, провелъ два чемпионатъ-турнира (1928 г. побѣдитель Кусковъ и 1929 г. Саареке и Х. Мауреръ.) Въ началѣ тек. года эстонскими шахматистами было организовано Эстонское Шахматное О-во (Eesti Male Selts), взявшее на себя организацию III-го матча между городами Нарва и Везенбергъ (оба первые происходили въ 1928 и 1929 г. въ Везенбергѣ и закончились побѣдой Нарвы — каждый разъ со счетомъ $+3\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$) и чемпионата 1930 года. Оба эти начинанія закончились очень несчастливо: въ матчѣ Нарва была разбита на голову $+1-5$: (двѣ ничьихъ и четыре проигрыша), а турниръ изъ-за наступленія лѣтняго времени и слабой дисциплины не закончился и былъ прерванъ до осени. Кружковый турниръ „Святогора“ при 24 участн. также не закончился, но значительная часть участниковъ сыграла всѣ или почти всѣ партіи (побѣдитель турнира А. Вильпертъ $+22\frac{1}{2}-1\frac{1}{2}$, П. Юхновскій $+20\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$, А. Мауреръ $+16\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$). Въ стадии организационнаго кружочка при Сп. О-вѣ „Астра“, въ составъ котораго вошли очень талантливыя молодые эстонскіе шахматисты. 6 марта и 11 апрѣля с. г. между

командами „Святогоръ“ и „Астра“ происходилъ матчъ изъ двухъ туровъ, закончившійся минимальной побѣдой „Астры“: $+6\frac{1}{2}-5\frac{1}{2}$. Лѣтомъ функционируетъ только кружочекъ при О-вѣ „Святогоръ“; въ настоящее время въ немъ протекаетъ, впервые въ Нарвѣ, лѣтній турниръ при 9 участникахъ I нарвской категоріи.

Къ моменту выхода журнала получены свѣдѣнія о результатахъ Гамбургскаго турнира націй: въ мужскомъ командномъ турнирѣ побѣдительницей оказалась Польша ($48\frac{1}{2}$ п.), далѣе слѣдуютъ Венгрія (47 п.) и Германія ($44\frac{1}{2}$ п.); изъ прибалтийскихъ странъ Латвія заняла 10-е мѣсто (32 п.), Литва — 14-ое ($22\frac{1}{2}$ п.) и Финляндія — 17-ое (18 п.). Въ дамскомъ турнирѣ Вѣра Менчикъ сохранила званіе чемпионки міра, выйдя побѣдительницей съ результатомъ $7\frac{1}{2}$ п.

Къ читателямъ.

За каждый запросъ, совѣтъ или сообщеніе по вопросамъ шахматной жизни редакция шахматнаго отдѣла „Полевыхъ Цветовъ“ будетъ весьма благодарна читателямъ журнала; отвѣты на запросы и сообщенія будутъ даны въ „Почтовомъ ящикѣ“.

Въ частности, редакция очень заинтересована устроительствомъ между читателями журнала, живущими вдали отъ центровъ, турнира по перепискѣ.

Почтовый ящикъ.

Перновъ — Б. Тагго: Статью просимъ прислать.

Везенбергъ — Г-ву: Отвѣтъ посланъ письмомъ.

Парижъ — А. Котомкину: Вашъ матеріалъ объ эстонской старинѣ насъ очень интересуетъ, ждемъ присылки. Рецензія о вашей драмѣ „Меченосцы“ будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ журнала.

Рига — Л. С-цовой: Матеріалъ полученъ слишкомъ поздно.

Ревель — Л. В.: Журналъ будетъ высылаться регулярно.

Юрьевъ — П. Си-ву: Стихи не подходятъ, пришлите прозу для ознакомленія.

Везенбергъ — Ал. М.: Вашъ матеріалъ больше подойдетъ къ журналу „Viires“, издаваемому эстонской молодежью здѣсь же въ Нарвѣ. Адресъ: Narva, Greenholm, 19—5.

Немме — Р. Матѣеву: Съ направлениемъ нашего журнала „Полевые Цветы“ проще всего ознакомиться, прочтя его. Журналъ можно получить въ киоскѣ на станціи желѣзной дороги.

Нарва — Г. И.: Ваше мнѣніе объ оскверненіи неизвѣстными хулиганами православной часовни въ Нарвѣ, возмутительно и намъ кажется, что его съ удовольствіемъ выслушали-бы „товарищи“ совѣтскаго журнала „Безбожникъ“. Стыдно, милостивый государь! Мы не ожидали, что Вы способны были дойти до такой глубины моральнаго паденія! Ваше письмо, какъ гадость, нами уничтожено.

Ревель — Н. Дунаеву: Къ сожалѣнію, Вашъ этюдъ „Ноктюрнъ“ мы напечатать не можемъ.

Юрьевъ — А. Бушуеву: Прочтите первый номеръ нашего журнала и Вы увидите, что статьи, рассказы и стихи съ коммунистической тенденціей въ немъ не мыслимы.

Рига — С. Спиридонову: Ваше произведеніе очень и очень слабо. Платить за строчку по 25 центовъ на эстонскую валюту, мы не въ состояніи.

Гельсингфорсъ — Л. Савиной: Благодаримъ за присылку рассказа и стихотворенія, принадлежащихъ перу Вашего покойнаго мужа.

Отвѣтственный редакторъ-издатель: Л. П. Аксъ, адресъ: Narva, Valge tän. Postimaja 36/26.

Сельско-хозяйственный и кооперативн. журналъ

ВѢСТНИКЪ сельскаго хозяйства

единственный въ Эстоніи печатный
с.-х. органъ на русскомъ языкѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 годъ — 1 крона, на $\frac{1}{2}$ года — 60 центовъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 10 центовъ.

АДРЕСЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Таллиннъ, Широкая ул. 39. Телефонъ 5-32.

Первоклассная гостинница

НЬЮ-ЮРКЪ

Нарва, вблизи вокзала.

Музыка. Отличная кухня.

Чистые уютные номера.

Т-во Кренгольмской Мануфактуры Бумажныхъ Издѣлій

Нарва — Кренгольмъ

Фабрики основаны:

Прядильн. и ткацкая (Старая) фабр. въ 1858 г.

Юальск. фабрика въ 1884 г.

Прядильн. (Новая) въ 1872 г.

Георгиевская фабр. въ 1900 г.

Фабричное оборудованіе:

Пряд. веретень 498724

Ткацкихъ станк. 3781

Пряжекрутильн. веретень 17560

Пряжекрасильная фабрика

Выработка пряжи изъ Американскаго и Египетскаго хлопка во всевозможной №-толщинѣ.

Выработка всевозможн. сырыхъ и пестрыхъ тканей.

Выработка ваты.

Представители во всѣхъ крупныхъ центрахъ Европы.

Прочія промышленныя спеціальности:

лѣсопильный и кирпичный заводы.

А.-О. ТОРМОЛЕНЪ и Ко.

Нарвское отдѣленіе.

Ювальская 18, тел. 89.

Фотоаппараты и принадлежности

Agfa, Kodak, Lumiere

При магазинѣ оборудована специальная камера для пользованія г. г. любителей.
Исполненіе любительскихъ работъ.

Всѣ фото-новинки по цѣнамъ внѣ конкуренціи.

Грамофоны:

HIS MASTER'S VOICE, LINDEX

Самый большой въ Нарвѣ выборъ грамофонныхъ пластинокъ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВИНКИ.

Разсрочка платежа по всѣмъ отраслямъ.

Торговцамъ обычная скидка.

Первоклассная гостинница-ресторанъ

„ЦЕНТРАЛЬ“

Narva, Suur tän. 30.

Прекрасные просторные номера.

Уютные кабинеты.

Скорая и вѣжливая прислуга. Вкусные обѣды. Приготовленіе закусокъ à la carte во всякое время. Вина, водки и ликеры.

Съ почтеніемъ владѣлецъ.

„Омега“

Нарва, Церковная ул. 17.

**Пуговичная и
чулочная
фабрика**

Старѣйшій въ Нарвѣ часовыхъ дѣлъ мастеръ (фирма основана въ 1906 году)

Т. УНТЬ

Вышгородская ул. 11.

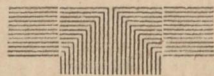
Производитъ починку всевозможныхъ часовъ. Гарантія за безукоризненность работы. Заказы исполняются быстро и аккуратно. Цѣны внѣ конкуренціи.

Ar 930 P
Полевые

Нарвское Общество Взаимнаго Кредита

Основано въ 1873 году.

Нарва, Вышгородская ул. 18,
тел. 159.

Производитъ всѣ банковскія операціи, какъ-то:
учетъ векселей, пріемъ денежных суммъ
на текущій счетъ, инкассо векселей
и разныхъ документовъ и пр.

Корреспонденты

во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Эстоніи.